

Дарья Кузнецова

Божественный яд

Дарья Кузнецова

Божественный яд

«Автор»
2025

Кузнецова Д.

Божественный яд / Д. Кузнецова — «Автор», 2025

Если судьба даёт второй шанс, глупо им не воспользоваться, даже если ради этого нужно рискнуть.Так или почти так рассуждала Идана Морнхут, потомственный техномаг, сбегая от своего прошлого в соседнюю страну, чтобы там выйти замуж в подкрепление политического союза. Спокойный брак, техномагическая лаборатория и исследования в области протезирования — примерно так она видела своё будущее.И всё это у неё будет, если она выберет правильного мужчину. А если выберет неправильного... Что ж, это хороший шанс узнать много нового!ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

© Кузнецова Д., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог. Главный компонент 5
Глава 1. Добыча сырья: правила времени, правила места 7
Глава 2. Тонкости подготовки листьев, плодов и корней 18
Глава 3. Правила транспортировки и хранения опасных веществ 29
Глава 4. Вываривание, возгонка, дистилляция 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Дарья Кузнецова
Божественный яд

Пролог. Главный компонент

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всесильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, —
Грудь умершей красавицы или щека.
Омар Хайям

Темнота пахла терпко и остро, оставляя на языке железистый привкус крови. Она пульсировала и переливалась, скручивалась в жгуты и норовила захлестнуть чью-то шею смертельной петлёй.

Дым курильниц, расставленных по периметру небольшой круглой комнаты, стелился по стенам, медленно закручиваясь спиралью, и нехотя протягивал тонкие лапы в центр – как будто боялся и не желал удаляться от тлеющих углей, служивших единственным источником света.

Их было шесть – фигур в бесформенных белых одеждах. Они стояли вокруг сложного узора, начертанного на гладком сером камне углём и розоватым, замешанным на крови мелом. Все шестеро не замечали тревоги дыма и поползновений тьмы. В руках блестели одинаковые ножи с узкими лезвиями, и каждая из белых фигур расчерчивала пространство вокруг себя быстрыми взмахами, бормоча что-то своё.

Но кажущаяся хаотичность подчинялась общему ритму, словно пульсу огромного сердца. Несколько стремительных движений – пауза, череда росчерков – пауза.

Вот на мгновение воцарилась тишина, и замерли не только фигуры, но даже тьма и дым предстали потёками густой смолы на стекле.

Восковое молчание оборвалось слитным одинаковым движением – все шестеро полоснули лезвием по ладони, едва заметно обагрив клинок кровью.

И вновь монотонное бормотание, и новые всплески отточенной стали в воздухе – быстрые, уверенные, далёкие от хаотичности. Они медленно складывались в сложную паутину, заполнявшую всё пространство над чёрно-белым узором, развешивали на тонких дымных нитях клочья железистого запаха и заполняли пустоту если не смыслом, то – его предчувствием.

Когда стих первый из голосов, воздух в комнате зазвенел от напряжения и накалился. Вот умолк второй, и третий, и с каждым мгновением всё тяжелее становилось дышать, словно ритуал совершался не в сыром тихом подвале, а в разогретой кузне, в жерле вулкана.

Вот последний резко выкрикнул завершающее слово и полоснул ножом сверху вниз, раскалывая пространство. На мгновение повисла пронзительная, острая тишина, а потом каждого из присутствующих с силой толкнуло в грудь, словно ударило туго набитым мешком. Кто-то отпрянул и упал, но почти сразу вскочил, кто-то охнул и выронил нож, и только двое устояли, почти не дрогнув.

Трое…

Посреди круга, босыми ногами попирая и смазывая чёрно-белый рисунок, возник обнажённый мужчина. Его смуглую кожу покрывала вязь белых застарелых шрамов, повторявших исчертившие пространство взмахи ритуальных ножей. Глаза были черны и пусты, а лицо скрывалось за тонкой паутиной длинных волос. Гладкие чёрные пряди стекали до талии, частью

закрывая узор и сильное, жилистое молодое тело. Пропорционально сложённый, с длинными ногами и узкими стопами, с гибкой талией и ухоженными руками, он совсем не казался больным или измождённым. Но стоял, едва не падая. Его колени дрожали, а плечи клонились к земле, словно на них лежал непосильный груз.

Медленный, неверный шаг вперёд, на длину стопы, ещё один такой же. А третьего шага не вышло, мужчина почти беззвучно осел на камень.

И только дым и темнота испуганно плеснули в разные стороны. Или это была сухая угольная и меловая пыль от окончательно разрушенного рисунка?..

Несколько мгновений шесть фигур в балахонах стояли неподвижно, а потом одна из них – та, что завершила ритуал последним взмахом, – грязно ругнулась себе под нос, скинула капюшон и бесхитростно сунула кинжал за пояс.

– Какого круша?! – возмущённо проговорил молодой мужчина с аккуратно собранными в косу чёрными волосами. Карие глаза блестели гневом, он подошёл к стене и хлопнул по ней ладонью. Тут же по комнате разлился тёплый свет, который испускало круглое жёлтое пятно на потолке. – Фанис, это твои глупые шуточки?!

– Да в мыслях не было! – очнулся Фанис Морской Огонь, тоже стянул капюшон. Совсем молодой худощавый парнишка выглядел возмущённым, но взгляд его так и искрился неудержимым любопытством.

– Не горячись, Сулус, как бы он это провернул? – мягко урезонил мужчина намного старше этих двоих, черноту волос которого время щедро присолило проседью. – Эксперимент пошёл немного не так, как ожидалось. Можно подумать, впервые! Заметьте, коллеги, пространственное перемещение действительно состоялось! Ещё бы понять, кого именно и откуда?..

– Может, работу над ошибками мы проведём чуть позже? – сварливо предложила пожилая женщина, которая успела опуститься на колени рядом с лежащим телом. Уголь и мел рисунка, попадая на белое полотно её одежд, безвредно осыпались, не оставляя пятен, так что она позволяла себе подобную небрежность легко, не задумываясь.

– Туаара? – уточнил тот, кого называли Сулусом.

– У мальчика сильное энергетическое истощение, ему нужна помощь целителя! Кутум?.. – Туаара Песчаная Змея окликнула ещё одного мужчину.

– Да, сейчас, – опомнился названный, тоже откинул капюшон и опустился на колени с другой стороны от распростёртой фигуры.

– Мой принц, если мне будет позволено сказать… – неуверенно пробормотал Фанис, не отрывая взгляда от тела, над которым колдовал целитель.

– Говори, конечно. И прости, я погорячился, обвинив тебя.

Фанис торопливо склонил голову, принимая извинения, и продолжил:

– Мне кажется, я знаю, кто это. Эти знаки на коже…

– И кто же?

Юноша поднял на Сулуса полный восхищённого благоговения взгляд, и тот остро, всем сердцем почувствовал одно: ответ ему не понравится.

Глава 1. Добыча сырья: правила времени, правила места

Безгрешный есть ли человек? Скажи!
Нам без греха прожить ли век? Скажи!
За зло спеша карать нас злом, скажи:
Святее нас ты в чём? Скажи!
Омар Хайям

Анина Морнхут, достойная фрау и почтенная мать семейства, не имела магического дара и магию недолюбливала, но давно уже привыкла считаться с её существованием. Одним из этих вечных компромиссов являлась необходимость заходить в мастерскую, порой по нескольку раз в день, поэтому зловещее и пропитанное резкими неприятными запахами место уже не пугало и не казалось преддверием Бездны. Однако удовольствия эти визиты не доставляли, поэтому женщина позволила себе короткую гримасу недовольства до того, как повернуть ручку.

Вошла она, как обычно, без стука, тихонько, и сначала внимательно пригляделась, что происходит внутри. Да, Анина была далека от магии, химии и механики, но когда в твоей семье три фанатичных изобретателя, за одним из которых ты замужем больше тридцати лет, волей-неволей выучишь технику безопасности и едва ли не самое главное правило: не говорить под руку. Полбеды, если соскочит отвёртка или деталь ляжет как-то не так, а если, не дай Защитник, в этот момент в руках колба с кислотой?

Однако сейчас в мастерской стояла непривычная тишина. Обычно здесь что-то щёлкало, пыхтело, клокотало и позвякивало, а то и вовсе клубился едкий пар и грозно гудела огромная вытяжка. Но сейчас тишину нарушал только шорох бумаги. Анина перевела дух и уверенно шагнула внутрь, с укором рассматривая ссутуленную спину дочери: опять без корсета, опять носом в книжке, опять в этом ужасном синем безобразии!

«Безобразие» смущало почтенную фрау меньше всего: она понимала, что в этом месте разумнее находиться в потёртом рабочем халате, чем в платье, приличном для молодой девушки из хорошей семьи.

Но эта спина…

– Идана, ап! – не выдержала достойная мать семейства.

Дочь сначала резко выпрямилась и только через мгновение обиженно обернулась.

– Матушка, ну я же не собака! Что ещё за «ап»? Вы бы меня ещё за апортом послали!

– Но ведь работает, – позволила себе лёгкую улыбку Анина, любуясь тем, как младшая из трёх её детей обиженно дует губы и нервным, очень знакомым и любимым, совершенно отцовским жестом поправляет небольшие круглые очки. – Если бы не приходилось тебя одёргивать и ты не имела привычки водить по своим схемам носом, то, может, и в очках не нуждалась бы.

Она приблизилась и, не удержавшись, пригладила встопорщенные светлые кудряшки. Идана не стала уворачиваться от этого жеста, улыбнулась.

– Матушка, вы ведь знаете, что это не помогло бы. Волдо никогда не корпел над чертежами и не любит мастерские, однако у него тоже плохое зрение. Это наша семейная черта!

– Кто знает? Защитник милостив и добр.

– Да, словно у него других дел нет, как только и следить, кто при каком свете читает! – развеселилась Идана. Подобный разговор происходил у них с завидным постоянством, и ни одну это не беспокоило. – А вы просто так зашли или что-то случилось?

– К ужину прибудет королевский посланник, и я хотела предупредить тебя об этом. – Мать посмотрела на дочь *со значением*, выразительно приподняв бровь.

– Да, матушка, – обречённо вздохнула Идана, поглядела на часы над столом. – Не волнуйтесь, я не уроню фамильную честь, – слабо улыбнулась она ещё одной давней семейной шутке. – А чем мы обязаны такому визиту? Надеюсь, фабрика…

– О нет, не волнуйся, с делами фабрики это никак не связано, а если и связано, то вряд ли это грозит неприятностями. Тон письма явно благосклонный, да и появление вестника к ужину – хороший знак, сама понимаешь. Но послание весьма интригует, поскольку сопровождается настойчивой просьбой не распространяться о визите и исключить присутствие посторонних. Отец обещал успеть к ужину. Надеюсь, не отвлечётся на очередной конструкт и не забудет о семье! Ида, милая, надень бирюзовое платье, оно очень тебе к лицу. Я через полчаса пришлю в твою комнату горничную.

– Хорошо, матушка, – вновь обречённо вздохнула Идана и, бросив последний тоскливый взгляд на разложенные чертежи, поднялась из-за стола. – Приму пока ванну.

Предлагать помощь прямо сейчас Анина, конечно, не стала. Она знала отношение дочери к подобному, поэтому просто поцеловала свою девочку в висок и попрощалась с ней до ужина.

Бойкая, уверенная в себе и смешливая, Ида последние семь лет старалась не раздеваться при горничных, и у неё имелся для этого весомый повод, о котором в семье тактично помалкивали. Поначалу она сильно смущалась, чему способствовала и реакция пугающихся девушек, а потом уже просто привыкла – и к своей внешности, и к самостоятельности.

Восемь лет назад очаровательная дебютантка и завидная невеста Идана Морнхут сломала себе жизнь. С посторонней помощью, но, по совести, винить в этом стоило только себя, чем Ида в первое время и занималась. Недолго; лёгкий и боевитый характер не позволил долго придаваться унынию даже по серьёзному поводу, а всё остальное сделала безоговорочная поддержка семьи.

Первый год был самым сложным, а потом Идана научилась встречать насмешки улыбкой и получать удовольствие от пикировок и эпатирования общества, почти ни о чём не жалела и любила свою нынешнюю жизнь. Однако горничные в её ванную больше не допускались.

Восемь лет назад Идана Морнхут имела глупость влюбиться в прохиндея. Она, как это свойственно горячей юности, отказывалась внимать увещеваниям родителей и попросту не слышала всего того, что говорили о предмете её восхищения, полагая это если не ложью, то последствием зашоренности и занудства чрезмерно заботливых родителей. Ида была девушкой сообразительной, но, на собственную беду, проявила это качество совсем не там, где стоило бы: сделала вид, что послушалась, а сама научилась ловко скрывать развивающийся роман.

И вскоре согласилась на побег.

Конечно, возлюбленный обещал жениться, иначе Идане хватило бы благоразумия отказаться. Но обещать – не значит сделать, и честь её оказалась безвозвратно погублена, потому что до женитьбы не дошло. Ни сразу, ни после, когда беглянку отыскала родня: мерзавец словно в воду канул.

И правильно, потому что ещё неизвестно, как бы с ним разобрались старшие братья девушки. Не только и не столько из-за уничтоженной репутации.

Увы, потеряв честь, Ида ко всему прочему умудрилась во время побега неудачно упасть с лошади и повредить ногу. У её «возлюбленного» не было денег на мобиль, даже наёмный, по железной дороге они бы далеко не убежали, в седле привычная к достижениям прогресса Идана держалась посредственно, а лошадь ей попалась дурная.

Трагедия произошла на малоезжей дороге вблизи деревушки, в которой имелась всего одна паршивая дешёвая гостиница, а приличного врача не было на два десятка миль вокруг. Из всей медицинской помощи в деревне нашлась только подслеповатая бабка со своими травами и

её маковая вода. «Возлюбленный» бросил девушку в гостинице и якобы отправился за врачом, но, конечно, никого не привёл.

Когда на след беглецов вышли, и в гостиницу примчался старший сын Волдо Морнхут, Ида горела в лихорадке и вообще не понимала, где находится и что происходит. За ней ходила одна из сердобольных подавальщиц, и только благодаря ей фройляйн Морнхут не смыла свой позор смертью, как требовал обычай в древние времена.

Поначалу Идана даже жалела, что этого не случилось. Когда Волдо привёз её домой, диагноз семейного врача оказался суров и однозначен: гангрена. И, кроме чести, девушка лишилась левой ноги до колена.

На её счастье, отец, Адарик Морнхут, талантливый техномаг, всю свою жизнь посвятил как раз совмещению живой и механической плоти, и для дочери он создал шедевр. Протез прижился быстро и легко, слушался как живой и весил почти столько же, сколько нормальная нога. Вскоре Ида настолько привыкла и освоилась, что начала о нём забывать. Она могла не то что уверенно ходить – бегать. Но для высшего света такой изъян по значимости вполне мог потягаться с утратой девичьей чести.

Первые пару месяцев было очень тяжело, а потом Ида наконец осознала, насколько ей повезло с семьёй. Её не осуждали и всячески поддерживали, и ни от родителей, ни от братьев не прозвучало и слова упрёка. Никто даже не заикнулся о том, чтобы попытаться «прикрыть позор» спешным браком с кем-то непритязательным, хотя Адарик Морнхут был достаточно богат, чтобы купить дочери приличного мужа. Он не пожелал и слышать о таком решении, а вместо того, чтобы стыдливо припрятать грязное бельё, окончательно махнул рукой на кривотолки и привлёк дочь к семейному делу, благо та тоже унаследовала дар. За первый год Идана обрела равновесие – в технике и семье, – и снова почувствовала себя счастливой.

Время подтвердило прозорливость отца семейства, особенно когда нашёлся прохиндей и выяснилось, что побег Иды был не случайностью, а происками давнего неприятеля Морнхута, который попытался насолить хоть так, через дочь. Но вывести врага из равновесия и внести разлад в семью не удалось, зато у «Конструктов Морнхута» появился ещё один талантливый техномаг и, что особенно важно, инженер, каковым показала себя Идана. Потому что техномагия – это только способ изменить свойство материала, а вот как именно это сделать – вопрос посерьёзнее.

Возможно, если бы у неё имелись сёстры, этот побег бросил бы серьёзную тень на их репутацию и испортил им жизнь, но двух старших братьев скандал затронул мало. Им скорее сочувствовали, что не удалось настигнуть мерзавца и поквитаться.

Со временем Идану опять начали принимать в свете, правда, только в роли диковинки. Со временем Ида начала получать от этих визитов удовольствие, давая хозяевам вечеров желаемое: развлечение.

Она не танцевала. Демонстративно приходила с тростью и хромала, под настроение на разные ноги. Отпускала сомнительные шутки, громко смеялась, не отрицала наличия у себя любовников, играла в карты, спорила, иногда даже курила – ей не нравилось это занятие, но смотрелось уместно. В общем, делала всё то, что не позволено незамужней девушке, и, несмотря на пересуды и кривотолки, имела определённый успех. Ни один достойный мужчина не стремился взять её в жёны, но внимание Идана привлекала и регулярно получала непристойные предложения. Порой даже задумывалась о том, чтобы согласиться, но так ни разу и не зашла дальше откровенного флирта.

Не потому, что стыдилась, а потому, что это казалось… трусостью? Словно принятие одного из этих предложений означало полную капитуляцию и гибель надежды найти… кого-то. Не любовника или средство для выведения пятен на репутации, а кого-то большего. Того, кем был отец для матери. Того, с кем приятно идти по жизни рука об руку. Ведь Иде всего

двадцать пять, она хороша собой и совсем не хочет стариться в одиночестве, приживалкой в доме кого-то из братьев.

И не только стариться, но узнать настоящую взаимную любовь, а не то глупое и фальшивое, которое закончилось катастрофой. Пусть ненадолго, немного, не как в романах, жаркую и безудержную, но живую, тёплую, человеческую. Хотелось ухаживаний, свиданий, поцелуев. Да, однажды Идана ошиблась и совершила большую и страшную глупость, но почему она недостойна второго шанса?..

Только пока тот не выпадал, и всё свободное время фройляйн Морнхут проводила в мастерской или на фабрике. Конечно, Адарик не собирался оставлять семейное предприятие дочери и не вводил её в дела целенаправленно, основным наследником, не в обиду старшему, считался средний, Рабан. Но дочь имела несколько патентов и трудилась над личными проектами, которые тоже шли в дело.

К Рабану и его нынешней работе, к слову, отлично подходила старая пословица «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Трагедия с сестрой отрезвила бунтующего юношу, примирила все их мелкие, но острые разногласия с отцом, сплотила семью. А потом, помогая загружать едва не угасшую девушку делами, Рабан и сам незаметно втянулся.

***

Идана, помня о скором ужине, не позволила себе «ещё минуточку поработать»: прекрасно знала, что минуточкой не обойдётся, она увлечётся и непременно опоздает, а расстраивать маму не хотелось, не так уж часто та о чём-то просила. Ида собрала схемы, справочники и записи, сложила в аккуратную стопку наброски, повесила на крючок у двери любимый халат и погасила свет. Потом закончит, это не срочно, просто личные маленькие развлечения.

Мысли всё полнее занимало письмо, которого девушка не видела, и флёр тайны, его окутавший. Пусть она доверяла опыту матери и повода для паники действительно не существовало, но успокоиться не получалось. Королевские посланники не наносят визиты просто так.

Внутри прочно засела уверенность, что причина этого беспокойства в ней, Идане. Попытки убедить себя, что у короля полно других забот, а молодая Морнхут – не из тех персон, кого Защитник держит за руку и кто интересен короне, не увенчались успехом и избавиться от тревоги не вышло.

Да и Милза, молоденькая смешливая горничная, была удивительно молчалива и старательна. Это наверняка объяснялось просто: девочка получила очередной нагоняй от экономки и пока ещё пыталась соблюдать требуемую дисциплину, с ней это случалось до пары раз в неделю. Но именно сегодня такое совпадение казалось тревожным, пусть и пришлось кстати: длинные светлые волосы Иданы вились мелко, словно руно, и причиняли много мороки.

Чесать сухие – значило превращать их в облако пены, а красивые кудряшки получались только в одном случае: если расчёсывать мокрыми. И это требовало терпения и времени, даже если использовать незаменимое в таком деле драгоценное масло аллейвы. Его привозили из соседнего Илаатана, отношения с которым были насторожёнными, а пошлины – высокими. Лёгкое и нежное, масло не утяжеляло волосы, делало их более гладкими и послушными и тем заметно облегчало жизнь горничной и её молодой хозяйке. И, конечно, кошелёк её отцу, но Адарик Морнхут не экономил на любимых женщинах и охотно их баловал.

Отец искренне радовался, что дочь взяла волосы от матери: гораздо более удачный выбор для девушки, чем его собственный тускло-пепельный цвет и посредственная густота. Правда, в такие моменты, как сейчас, Идана могла бы с ним поспорить, но молчала, изображая приличную дочь. Всё равно ничего не исправить, а порадовать отца никогда не лишне.

Белые кудряшки достались всем детям, но сыновья стриглись коротко и мучений сестры не знали. А вот глаза все трое взяли как раз у отца: тёмные и выразительные, мшистые, зеленовато-карие, они, к сожалению, достались вместе с плохим зрением.

Не жаловалась Идана и на своё лицо с пухлыми губами и немного курносым носом, как раз по нынешней моде, и с полным правом считалась красавицей. И пусть эта красота не принесла счастья, зато в зеркало на себя Ида смотрела с удовольствием. Бирюзовое платье с белым кружевом и мелкими жемчужными пуговками сидело отлично, заколка с аквамарином блестела в пене собранных в высокую причёску волос – и самого короля не стыдно встретить, не то что его эмиссара.

Важным гостем оказался пожилой медлительный мужчина с тяжёлой походкой, одышкой и военной выправкой, а скорее – её остатками. В молодости он наверняка был блестящим офицером и грозой женских сердец, но сейчас блестела в нём только лысина.

За столом высокий посланник держался без заносчивости и чванства, как хороший гость, а Морнхуты – как положено достойному семейству. Родители поддерживали разговор, Рабан порой вставлял нейтральные замечания, а Идана помалкивала. Вести мирную застольную беседу с посторонними она умела, но практиковалась редко, всё больше в остротах, поэтому считала за лучшее не высовываться, чтобы не ляпнуть от волнения какую-нибудь глупость.

Отсутствовал только самый старший из сыновей, Волдо, который избрал офицерскую стезю и сейчас нёс службу на севере, вполне довольный жизнью. Карьера его шла в гору, да и в остальном старший из сыновей Морнхут пользовался благосклонностью судьбы: полгода назад женился, судя по письмам, вполне удачно.

Разговор вертелся вокруг основных светских тем. Ранней и бурной весны и ожиданий, возлагавшихся на лето. Недавней смелой премьеры в Королевском театре, где поставили провокационную историю о любви нежной и юной графской дочери и молодого князя из Илаатана. Свет вот уже неделю бурлил, матроны закатывали глаза, а юные девушки вдруг начали восхищаться порочной красотой смуглых и черноглазых илаатов. Кто-то пророчил скорое изменение репертуара, но к истории неожиданно благосклонно отнёсся король, и та продолжала смущать умы юных девиц и их почтенных матерей.

Мужчины, как водится, коснулись и тревожного вопроса: бурной деятельности бородатых коротышек из северного Грундабрада, которая неприятно пахла скорой войной. Соседи давно мечтали пробиться к Зелёному морю, разогретые подводными вулканами волны которого омывали Илаатан и Трант. Хотели и на запад, к океану, но тамошний сосед был крупнее и злее, и с ним коротышки ссориться не рисковали. Гномов уважали, но не любили, и некоторые радовались возможной сваре, надеясь им хорошо наподдать. Другие высказывались осторожнее и опасались, как бы не наподдали родному Транту, который вряд ли мог тягаться с грозным северным соседом. Гость отлично понимал в политике и военных вопросах, но фрау Морнхут проявила бдительность и быстро отвлекла на другое мужчин, увлекшихся неподобающей для застолья и женского общества темой.

После ужина хозяйка пригласила всех расположиться в гостиной, чтобы дамам подали чай, а мужчины могли выпить чего-то покрепче. От чего, однако, отказались все. Гость сослался на нездоровье и предпочёл чай, хозяин составил ему компанию, а Рабан не любил пить в одиночестве.

Дольше мучить семью неведением посланник не стал и, когда слуги ушли, выбрал удачный момент, чтобы заговорить неуловимо другим тоном.

– Герр Морнхут, мне выпала честь лично вручить вашей дочери вот это приглашение и высокая обязанность объяснить нюансы, чтобы не возникло недопонимания или, спаси Защитник, обиды. Однако прежде, чем я всё это сделаю, хочу ещё раз напомнить: этот разговор должен остаться конфиденциальным. Не навсегда, думаю, через неделю исчезнет необходимость в подобной осторожности, но пока я прошу всех присутствующих дать соответствующее обещание.

– Разумеется, – склонил голову озадаченный и заинтригованный отец семейства. – Необходима клятва?

– О нет, что вы, достаточно слова. Тайна не столь великих масштабов.

– Тогда я обещаю, что ни я, ни кто-то из членов моей семьи не станет распространяться об этом разговоре и этой встрече.

– Прекрасно. – Старик тяжело поднялся, приблизился к сидящей Идане и с коротким поклоном вручил конверт из плотной голубой бумаги с гербовой печатью.

Ида взяла его с вежливым кивком, но ломать печать не спешила, выжидательно посмотрела на отца. Однако на невысказанный вопрос ответил всё тот же посланник.

– С вашего позволения, я сначала объясню, о чём идёт речь, а после вы уже ознакомитесь с приглашением и решите, стоит ли его принять.

– Мы заинтригованы сверх всякой меры, – призналась мать семейства, на что гость ответил лёгкой понимающей улыбкой.

– Я заранее прошу прощения, что мне придётся затронуть неприятные темы, но заверяю, ни у меня, ни тем более у его величества нет намерения оскорблять кого-либо из вас или других достойных граждан нашей страны. Беспокойство о возможной войне с Грундабрадом, к сожалению, не пустая болтовня, оно имеет под собой твёрдую почву. Уже некоторое время мы наблюдаем стремительное наращивание военного потенциала северных соседей, и король понимает, что в нынешних условиях война не просто не выгодна – смертельно опасна. Поэтому дипломатический корпус работает над заключением союза с другим соседом, Илаатаном. Да, у нас имеются давние противоречия, но их сейчас гораздо меньше, чем с Грундабрадом. А самое главное, восточные соседи – люди, пусть и несколько отличные от нас. К счастью, в Баад-Натхе тоже считают северную угрозу б*о*льшим злом, нежели Трант. Вы могли заметить, что в последний год отношения стремительно теплеют, идёт работа с общественным мнением…

– Да, стоит вспомнить хотя бы недавнюю премьеру, которую мы обсуждали, – заметил Адарик Морнхут, заполняя паузу, потому что гость потянулся за чашкой, чтобы смочить горло. – И торговые пошлины заметно снизились.

– Именно так. Кроме взаимных политических и экономических уступок, а также, конечно, военного договора, решено скрепить союз династическим браком, даже двумя. Младший сын Владыки Илаатана возьмёт в жёны принцессу Мариику, а младший брат нашего короля, принц Абелард, женится на одной из дочерей Владыки. Все молодые люди согласны и готовы к этому шагу, но также решено несколько облегчить их пребывание на чужбине и придать каждой принцессе свиту не только из надёжных личных слуг, но и из молодых девушек близкого возраста, которые разделят участь принцесс.

– Мне казалось, слухи о многожёнстве в Илаатане… – заговорил, хмурясь, Адарик.

– О, прошу простить, я неудачно выразился! – поспешил возразить посланник. – Группа девушек отправится в Илаатан, чтобы выбрать себе там достойных мужей, а гостьи оттуда прибудут к нам. Никакого многожёнства, Защитник свидетель, всё более чем пристойно. Сейчас составляется список потенциальных невест, которые пожелают отбыть в соседнее государство. Помимо того, что девушка должна принадлежать к достойной семье, представленной ко двору, необходимо её собственное желание.

– А если она хочет, но родители против? – полюбопытствовал Рабан.

– Разумеется, о её участии не может идти речи, – заверил посланник. – Мы желаем наладить дружеские контакты, а не настроить друг против друга ещё сильнее, обидев дворянские семьи. То приглашение, которое держит в руках фройляйн Идана, говорит о назначенной во дворце аудиенции. Учитывая большую разницу традиций и культур наших стран, посчитали разумным, что на девушек предварительно взглянут представители принимающей стороны. Для этого к нам прибыл сам младший принц Илаатана, Сулус Чёрный Меч, и его доверенные лица, а в Баад-Натху отправился его высочество Абелард.

– Именно они будут решать, кто из девушек подойдёт больше, верно? – заговорила Ида. – В случае, если желающих окажется слишком много.

– Боюсь, вы чрезмерно оптимистичны, – улыбнулся королевский посланник. – Набрать бы хотя бы необходимый десяток желающих! Предварительный отбор очень строгий, по многим аспектам. Благонадёжность, положение семей, достоинства самой девушки. Всё же дело международного престижа, королю не хочется краснеть за свой выбор. Никаких обнищавших аристократов, мошенников или весёлых вдовушек, это не должно выглядеть искупительной жертвой или попыткой пристроить негодных бедных родственниц. Большинство девушек нужного возраста к тому же уже помолвлены. Подходящих хотя бы по общим качествам набралось едва ли несколько десятков, а хотелось бы, чтобы и девушки были недурны собой, и в Илаатан ехали не как на заклание.

– И когда мы должны дать ответ? – спросил отец семейства.

– Дата аудиенции указана в приглашении, о согласии на неё надо сообщить за день до того. У вас есть время всё тщательно обдумать.

На этом разговор завершился, и хозяин дома отправился провожать гостя, оставив в уютной гостиной растерянную тишину. Сказанное королевским посланником услышали и поняли все, но никто пока не решил, как к этому относиться.

Идана ощущала пустоту в голове и смятение в душе. Не в силах отвести глаза, словно зачарованная рассматривала королевскую печать – красный сургуч на голубом фоне, красиво. Несколько раз медленно хлопнула конвертом по ладони, словно оценивая его вес и плотность.

Адарик вернулся в своё кресло, обвёл присутствующих задумчивым взглядом и принялся набивать трубку. Курил он нечасто и тем сразу выдал семье, что полностью разделяет общее смятение.

– А король затейник, – со смешком заметил Рабан, поднялся и плеснул себе немного бренди. – Отец? – глянул вопросительно и жестом предложил, но тот лишь качнул головой.

– Сын, выбирай выражения, ты говоришь о его величестве, – строго одёрнула мать, но после короткой паузы добавила с неудовольствием: – Не представляю, с чего он решил, будто Ида на такое пойдёт! Можно подумать, она здесь настолько никому не нужна, что необходимо ссылать мою дочь к этим дикарям!

– Дорогая, ты слишком драматизируешь, – мягко одёрнул её муж. – Во-первых, решать Идане.

– Королевский посланник говорил, что будет учитываться мнение семьи! – нахмурилась Анина.

– А во-вторых? – тихо уточнила Ида, подняв на него взгляд.

Отец улыбнулся одними глазами, неспешно раскурил трубку.

– А во-вторых, если подумать… Что-то в этом есть.

– Что именно? – Анина сильнее нахмурилась и уставилась на мужа с ещё большим негодованием. – Дикари совершенно без морали, которые не носят одежды и…

– Дорогая, откуда ты это взяла? – с усмешкой оборвал её супруг. – Они другие, верно, но точно не дикари. Иначе не было бы никакого смысла заключать с ними военный союз.

– Воинственные дикари! – не сдалась мать семейства.

– У них нет техномагов и женщины официально могут вести дела. – Адарик не стал отвечать на эмоциональное восклицание жены и опять посмотрел на дочь. Та подобралась.

– Отец, вы… вы в самом деле… – Ида запнулась, не зная, как и что именно спросить, а глава семейства улыбнулся уже явно, и глаза за стёклами очков лукаво блеснули.

– В самом деле – что? – Анина перевела встревоженный взгляд на Идану.

– Наша дочь – умная девушка и очень хороший техномаг, – заговорил Адарик веско. – Да, она не имеет университетского диплома и других перспектив, кроме как заниматься изобретениями за моей спиной или спиной брата. Здесь.

– Но её ведь не работать туда зовут! – проговорила фрау Морнхут. – Да и работать… Чужая страна, чужие незнакомые обычаи, а ведь ещё и замуж!.. Абы за кого! И… она будет далеко!

– Не столь уж это далеко, – мягко возразил супруг. – Всего несколько часов на дирижабле или ночь на поезде, когда его наконец пустят. – Адарик неодобрительно поморщился.

Ветку между двумя столицами тянули давно, и бесконечные проволочки очень раздражали Морнхута-старшего. Он вложил в этот проект не столь уж большие деньги и не слишком о них беспокоился, просто не любил непоследовательности и срыва сроков по незначительным поводам или вовсе без оных. В этом году ветку наконец достроили, но поезда ещё не пустили.

– И замуж не абы за кого, а за местного аристократа, – продолжила Идана, вдруг осознав, что всё для себя уже решила.

Кажется, она хотела шанса и молила о нём Защитника?..

– Вождя племени! – непримиримо фыркнула Анина.

Ида понимающе улыбнулась. Мама на самом деле не имела ничего против восточных соседей. Точно так же, как все достаточно обеспеченные женщины, она восхищалась талантами тамошних алхимиков и с удовольствием пользовалась почти чудодейственной илаатской косметикой, превосходно сохранявшей красоту и молодость, и другими достижениями их весьма развитой науки. И недавнюю пьесу, несмотря на скандальность, хвалила. И лирическую поэзию Илаатана, которую несколько лет назад начали переводить на трантский и печатать, – тоже.

Не в соседях дело, просто Анина Морнхут боялась отпустить дочь. Куда угодно, главное, достаточно далеко, туда, где нельзя будет каждый день видеть её, тихонько заглядывать в мастерскую, звать к завтраку… Тот побег Иды и его последствия сильно ударили по женщине, и пусть время залечило рану, но страх никуда не делся. За сыновей мать тоже беспокоилась, но те – мужчины, доказавшие свою самостоятельность, а Ида…

– А хоть бы и так, – проговорила Идана. – Я знаю язык, и про традиции немного читала. Да, они язычники и не почитают Защитника, но браки у них светские и, хотя благословляются одной из их богинь, совсем не требуют менять веру. Но главное, моя самая важная… проблема для них и не проблема вовсе. Напротив, если девушка сохраняет невинность долгое время, это вызывает вопросы.

О других особенностях восточных соседей Ида на всякий случай рассказывать не стала. Как и о том, что и без этого королевского предложения нет-нет да и задумывалась о поездке в Илаатан. Идана, конечно, никогда не набралась бы решимости для того, чтобы планировать подобное всерьёз, но…

– Ты в самом деле хочешь?.. – спросила Анина, беспомощно оглянулась на мужа и нервно сцепила пальцы на коленях. – Но это же… Илаатан!

– А ещё – шанс найти мужа, который оценит меня и не станет попрекать прошлым. Шанс обрести собственную семью, – добавила её дочь негромко, опустив взгляд.

Нечестный приём, но воспользовалась им Ида без зазрения совести. Анина Морнхут, воспитанная в строгих традициях, позволяла дочери многое и не мешала отцу её баловать, но всегда полагала, что замужество и собственные дети, семья – главная цель в жизни любой нормальной девушки, и горевала оттого, что дочь почти лишилась этого шанса.

Сама Идана ничего не имела против семьи и замуж хотела, но сейчас не это казалось главным. От открывающихся перспектив едва не кружилась голова. То, о чём она не смела даже мечтать, вдруг оказалось реальностью. Возможность открыто заниматься любимым делом. Возможность не слышать привычных шепотков, которые не ранили, но всё равно мерзко зудели, словно заноза в пальце или комариный укус – терпимо, но раздражает. Да и замужество… Не какой-то проходимец, какие порой пытались привлечь внимание обладательницы немалого приданого, а достойный мужчина, пусть и из другой страны.

Во всех смыслах достойный. Идана бы не осмелилась заговорить об этом не то что при отце и брате, а даже с матерью наедине, но не подумать не могла.

Илааты слыли великолепными любовниками, и этот вопрос Иду тоже волновал, несмотря на его крайнее неприличие. Пусть побег закончился плачевно, но ей хватало честности признаться самой себе, что поцелуи и близость с мужчиной доставляли удовольствие. Не настолько, чтобы согласиться на сомнительную связь здесь, но достаточно, чтобы считать илаатское отношение к интимной стороне жизни большим плюсом и ещё одним аргументом за поездку.

Слухи, конечно, вещь сомнительная, и Идана ни за что не стала бы полагаться только на слова молодых вдовушек и других особ с подмоченной репутацией, от которых наслушалась всякого об илаатах, но всё это косвенно подтверждалось гораздо более достоверными источниками. Литература и искусство Илаатана придавали плотским утехам большое значение, существовала весьма уважаемая профессия наставницы по искусству любви, встречались даже наставники, которые обучали желающих девушек, и никому не приходило в голову считать это неприличным.

В общем, Ида радовалась, что мама не знает илаатского, а на трантский переводилась и адаптировалась лишь малая часть.

А ещё об одной своей проблеме, с ногой, Идана решила пока не думать. Вряд ли мужчина, который примет прочие её недостатки, откажется из-за этой детали! А в самом крайнем случае можно не снимать в постели чулки.

– Значит, так тому и быть. Идана посетит аудиенцию, и после неё мы окончательно определимся, – подытожил отец семейства. – А к тому времени можно и по технической части подготовиться.

Адарик удовлетворённо улыбнулся и выпустил несколько дымных колечек – верный признак, что он пришёл в благодушное расположение. И, кажется, всё уже для себя решил, а теперь с интересом прикидывает открывающиеся возможности.

– С твоего позволения, отец, я возьму это на себя, – подал голос Рабан, которого сложившаяся ситуация уже веселила. – Будет интересно попробовать вести дела с драгоценной сестрицей как с партнёром, – брат заговорщицки подмигнул.

Идана улыбнулась ему искренне и широко: ей тоже было любопытно.

***

Владыка Илаатана и Дариштана, Сат-Улы и Сат-Саамы Звезда Путеводная Яруш ан-Яруш Чёрный Меч изволил отдыхать от трудов в Саду Голубых Глаз.

Здесь полноправно царили свежесть и прохлада, нежно пахло нектаром и влагой. Среди мягкой сочной травы змеились выложенные голубой мозаичной плиткой дорожки, а воздух наполняло тихим шелестом и звоном великое множество крошечных фонтанов, искусно запрятанных среди богатой листвы и ярких цветов.

Владыка возлежал на узорчатой тахте, небрежно сбросив обувь на траву. Сейчас он был в белом: белые сальвар – свободные штаны, зауженные к стопам, белый с едва заметной вышивкой калим – прямая рубашка до середины бедра, со шнуровкой на вороте и с разрезами до талии, подпоясанная белым же шёлковым шарфом. В Илаатане этот цвет издавна считали официальным, подходящим для тех, чья работа не касалась грязи в буквальном смысле. Уже несколько веков существовали простые чары для ткани, позволявшие одежде не пачкаться, и с этой традицией никто не боролся. От тысяч подданных по всей стране Владыку отличали украшения, известные каждому, кто хоть немного понимал в геральдике: несколько перстней с крупными камнями, узкий золотой венец с большим рубином посередине и серьги-диски со сложной концентрической вязью гравировки. Существовали и ожерелья, достойные правителя, но Яруш ан-Яруш Чёрный Меч их не любил.

На низком столике с богатой инкрустацией лежало несколько папок с бумагами и толстая книга, раскрытая на середине: даже отдыхая, Владыка не забывал о делах. Длинные изящные пальцы рассеянно почёсывали за ухом пышного белого кота, возлежавшего перед правителем почти в такой же позе. В отличие от людей, от котов никто не требовал соблюдать этикет, и им позволялось многое. Особенно здесь. Любимцы Владычицы, они ходили и спали где хотели и, поговаривали, наушничали своей хозяйке. Учитывая силу этой женщины и её специализацию на животных, слух этот не выглядел пустой болтовнёй.

Владыка и в остальном походил на разделявшего с ним досуг кота. Светло-карие глаза отдавали в кошачью желтизну, а чёрная подводка делала похожим и их разрез. Время вытравило волосы до снежной белизны, и длинные пряди, стекавшие на шерсть, сливались с нею. И даже морщины, расчертившие узкое строгое лицо, загадочным образом усиливали сходство.

– Пусть будут твои дни ясны, а ночи страстны, мой господин, – молодой мужчина, также одетый в белое, нарушил уединение правителя бесшумно и остановился в нескольких шагах, сложив ладони над сердцем и согнувшись в вопросительном поклоне.

– Проходи, садись, – не поднимая взгляда от бумаг, разрешил тот и протянул руку.

Посетитель приблизился, преклонил колено и поцеловал перстень с ярким рубином цвета свежей артериальной крови, а после – сел прямо на траву сбоку от тахты, позволив себе для удобства привалиться к ней плечом.

– Всё готово к поездке? – спросил Владыка через несколько мгновений, отвлекшись от чтения.

– Да, отец, я зашёл попрощаться, – отозвался третий принц Илаатана, оставляя формальную вежливость и официальный тон. Без посторонних, не считать же таковым кота, можно позволить себе вольность.

Сулус ан-Яруш Чёрный Меч был хорош собой и лёгок нравом. Наружность он взял от отца, буквально являясь молодой его копией, а вот всё остальное – живой характер и неуёмную страсть к экспериментам – получил от матери. И с одной стороны, это неплохо, потому что для страны вполне хватало расчётливого государственного ума Владыки и двух его старших сыновей, а с другой – смело выбранное Сулусом направление исследований, пространственная магия и порталы, нередко аукалось неприятностями. То мыши-испытатели разбегутся на радость котам Владычицы, то кусок башни исчезнет в неизвестном направлении, благо без людей, а то, напротив, появится что-то такое, с чем попробуй разберись…

После происшествия с башней Сулус со своими соратниками перебрался в загородную резиденцию, где было гораздо меньше людей, да и уединённо, меньше вероятность жертв. И последний эксперимент подтвердил разумность этого переезда.

– Что ты решил с нашей… семейной проблемой? – спросил Яруш.

– Сейчас он в летнем дворце, там и поживёт пока. Больше некуда пристроить, а там и присмотр есть, и даже появление гостей вряд ли что-то изменит, – явно нехотя сказал принц. – Надеюсь, мы, несмотря на все эти мероприятия, выкроим время разобраться и найти ошибку в расчётах.

– Как он?

– Осваивается. Он очень многое пропустил, сейчас пытается наверстать и привыкнуть.

– Есть какие-то прояснения? Как получилось, что его считают умершим мучительной смертью, а на нём ни царапины? Что вообще тогда произошло?

– Говорит – не помнит, воспоминания последних лет обрывочны, – хмурясь, отозвался Сулус.

– Говорит? – конечно, не упустил главного Владыка. – А на самом деле?

– Мне кажется, он лжёт или как минимум недоговаривает. И я не понимаю почему. Не исключено, что у него просто помрачилось сознание. Он странно себя ведёт. Разговаривает очень неохотно, большую часть времени молчит и читает, но это я могу понять. Ещё он часами

просиживает в храме. Не молится, не приносит даров и не воскуривает благовония, просто сидит и смотрит в одну точку с отрешённым видом. У разных богов, но чаще – у ног Любви. И я бы понял, если бы это была тоска об ушедшем, но чтец в эти моменты слышит в нём только холод, тихую злость и беспокойство близкой, но недостижимой цели. Не представляю, с чем это связано.

– И что ещё говорит чтец? А лекарь душ?

– Оба единогласно уверяют, что он, при всех странностях, здоров и настроен мирно. Я распорядился насчёт пригляда за ним, в случае неприятностей мне пришлют почтового ворона.

– И что ты сделаешь? – с насмешкой в голосе и спокойным лицом спросил Владыка. – Бросишь всё и примчишься сюда? И без тебя довольно сил, способных сдержать даже величайшего героя древности, тем более когда тот занят книгами и размышлениями. Лети с лёгким сердцем и привези мне дочь.

– Благодарю, мой господин! – Сулус плавным движением перетёк на одно колено, чтобы опять коснуться губами перстня. Поднялся, поклонился, отступил на три шага спиной вперёд, после чего стремительно вышел. Всё это он проделывал, мыслями уже находясь далеко от любимого сада отца.

Принцу не хотелось оставлять эксперименты и деятельный побочный эффект последнего из них в виде явившегося из ниоткуда древнего предка, но и нынешнюю миссию ни на кого не переложишь. И дело не в девушках, которых предстояло выбрать, с этим справился бы кто-то из приближённых Владыки или его собственных. В первую очередь Сулус ехал за своей невестой, которую не доверишь посторонним. И ревность тут ни при чём, просто жениться на принцессе ему, и пренебрегать ею с первого дня – не лучшее начало будущей совместной жизни и политического союза.

А побочный эффект… Отец прав на его счёт. Откуда бы ни взялся сейчас Маран Чёрный Меч, прозванный за свои деяния Отравленным и затерявшийся в веках тысячу лет назад, это не та проблема, ради которой можно поступиться интересами страны.

Глава 2. Тонкости подготовки листьев, плодов и корней

Я даю вам горькие пилюли в сладкой оболочке.
Сами пилюли безвредны, весь яд – в их сладости.
Станислав Ежи Лец

Три дня до аудиенции прошли насыщенно и плодотворно. Адарик Морнхут всерьёз увлёкся идеей открыть представительство в Илаатане, где техномагов было ничтожно мало, а уж конкуренции «Конструктам Морнхута» и вовсе не предвиделось. Человек деятельный и решительный, он взялся за новую идею с упорством, больше приличествующим дельцу, а не представителю старой аристократической фамилии, о чём не уставали шушукаться светские сплетники. Но Адарик всегда предпочитал делать дело и деньги, а не вид.

Фрау Анина поначалу попыталась мягко повлиять и остановить набирающий ход локомотив, она знала упорство супруга, и знала, что если не успеть сразу, потом точно будет поздно. Но муж разогнался быстрее, чем обычно, и вскоре пришлось смириться с поражением. Защитник с ними, с конструктами! Главное, Идана не просто подчинялась воле отца, а загорелась этой идеей, и вместо чертежей и схем засела над книгами на илаатском. Расставаться с дочерью Анина не хотела, но одновременно с этим желала ей счастья, и если оно – там, за горами, то лучше пусть Ида будет счастливой в Илаатане, чем несчастной – здесь. В конце концов, это дело короны и престижа обеих стран, и там вероятность попасть в неприятности существенно ниже, чем дома.

На аудиенцию Идана шла в боевом настроении и с твёрдо принятым решением. Она обязательно поедет на восток, обустроится там, найдёт хорошего мужа и подходящее место для мастерской. Для начала. Дальше фантазия рисовала смелые картины ещё одной огромной фабрики, или даже нескольких, и Ида не сомневалась, эти мечты вполне могли осуществиться. Как бы ни развита у восточных соседей медицина, отрастить заново руку или ногу она не помогала, и создать другие искусственные органы – тоже. А вот если совместить илаатские познания в медицине с техномагическими наработками, то мечта изготавливать не только протезы, но и нечто гораздо более сложное, вполне могла стать реальностью. Скорее бы добраться до этого Илаатана!..

За всеми этими мечтами и планами Идана не вспоминала о том, что двое соседей почти никогда за всю историю не жили мирно и то и дело пытались оттяпать друг у друга лакомые куски под эгидой религиозных и освободительных войн. Последняя такая окончилась всего пятнадцать лет назад точно так же, как большинство до неё: паритетом сторон. Ида не любила историю и не интересовалась политикой, а к армии и военному делу питала лёгкую подспудную неприязнь, несмотря на то что Волдо избрал для себя именно этот путь. Брата она меньше любить не стала, но выбор не одобряла, не понимая, как можно заниматься подобными вещами, если есть фабрика и фамильная склонность к техномагии.

В приглашении, к счастью, содержалось не только время аудиенции, но указывался точный подъезд дворца и допустимый транспорт и имелась пометка для охраны.

Мобилем Идана управляла сама – так она и позволила бы кому-то лишить себя этого удовольствия! Ей, и без того считавшейся безнадёжно испорченной, такое мелкое чудачество не доставляло проблем, что вызывало зависть некоторых знакомых. Ида входила в небольшой кружок по интересам, где прогрессивные дамы обсуждали техномагические новинки, и водить они умели все, но не все могли позволить себе подобную вольность публично.

Впрочем, кое-кто и не хотел. Фрау Логерлет, например, которая считала себя вдовой при живом муже – тот был стар и почти не проводил время с женой – с удовольствием пользова-

лась услугами шофёра. Ида видела пару раз этого рослого красавчика с широкими плечами и изумительно голубыми глазами и не сомневалась, что его навыки вождения интересовали нанимательницу только как приятное приложение к самому шофёру.

Дворцовая прислуга была вышколена на совесть. Лакей, который подал гостье руку, помогая выбраться из мобиля, и бровью не повёл, обнаружив, что искать гостью нужно со стороны водительского места. И сел за руль, чтобы отогнать транспорт, с прежней печатью вежливой невозмутимости на лице.

В то же мгновение перед Иданой возник ещё один молодой человек в точно такой же сине-зелёной ливрее и с поклоном попросил следовать за ним.

С того дня, когда юную фройляйн Морнхут представили ко двору, она бывала во дворце несколько раз. Семья пользовалась уважением, король вообще любил техномагию и техномагов, поэтому заметное пятно на репутации не стало причиной немилости его величества. И, наверное, именно это во многом определило нынешнее положение Иды: порицаемая и недостойная, она так и не стала полноценным изгоем в обществе.

Сейчас Идана прибыла по делу, поэтому пригласили её к третьему восточному подъезду. Восточная сторона издавна считалась в Транте посольской, в этом крыле располагалось министерство иностранных дел, здесь же принимались все иноземные делегации и почти не попадались праздношатающиеся бездельники.

Ида ни разу не видела илаатского принца, да и вообще илаатов встречала на своём веку мало, и воображение рисовало очень странные картины, больше основанные на стереотипах и домыслах, чем на знаниях. Ей то представлялся солидный мрачный кабинет, отделанный дубовыми панелями, где восседал угрюмый и зловещий мужчина в военной форме, то – варварски роскошное подобие тронного зала, где на расшитых подушках возлежал полуобнажённый мускулистый красавец, которого обмахивали опахалами обнажённые наложницы.

Про Илаатан Ида знала мало. Её интересовали книги по медицине, немного – мифы и легенды, поэзия и совсем уж по остаточному принципу всё остальное, так что фройляйн Морнхут хоть и имела общее представление о нравах и обычаях соседей, но именно что общее.

К лёгкому разочарованию Иданы, слуга привёл её в обыкновенную гостиную, интерьер которой всего лишь ненавязчиво отсылал к илаатским традициям, что-то подобное и даже куда более эффектное встречалось в домах падких на экзотику аристократов. Низкая, немного непривычная мебель, обитая пёстрой тканью и украшенная резьбой на деревянных частях, мозаичный пол, сложные барельефы с растительным орнаментом и мозаичные вставки на стенах, два настенных фонтана друг против друга… Красиво, но совсем не то, что рисовала фантазия. Впрочем, и она сейчас не в Илаатане, а в королевском дворце, откуда бы здесь взяться совершенно чуждым интерьерам?

Илаат, который поднялся навстречу гостье, одновременно соответствовал её ожиданиям и обманывал их. И хотя неприлично столь откровенно кого-то разглядывать, но Идана просто не могла удержаться, и, пока они вежливо раскланивались и знакомились, девушка давала волю своему любопытству, насколько позволяло плохое зрение. Её извиняло то, что принц Сулус ан-Яруш, который настаивал на неформальном разговоре без титулов, и сам отвечал не менее откровенным интересом.

Он имел непривычную наружность, но определённо был красив. Хорошего роста – такого, чтобы не возвышаться над окружающими совсем уж неприлично (хотя принц, наверное, мог себе подобное позволить), но при этом иметь право считаться высоким мужчиной. Конечно, принц не сверкал обнажённым торсом, но свободные белые одежды сидели на нём очень хорошо, безо всякой наготы подчёркивая тонкую талию и широкие плечи и давая понять, что сложён мужчина прекрасно.

Илаат двигался текуче и грациозно, длинные распущенные волосы и подведённые глаза вкупе с обилием золотых украшений производили странное впечатление и, наверное, должны

были придавать в глазах непривычных к такому трантцев женственности, но этого не происходило. И ничего чрезмерного, крикливого в его наружности не виделось: простая белая одежда удачно оттеняла блеск золота.

Ида пришла к выводу, что илаат походил на змею – белую с чёрной головой морскую гадюку, ядовитую обитательницу прибрежных скал.

Показывая себя гостеприимным хозяином, Сулус предложил чай и закуски, вежливо поинтересовался, не случилось ли каких-то проблем в дороге и всё ли у неё, Иданы, хорошо. Поскольку это были обыкновенные светские мелочи, вдаваться в детали Иде не следовало, даже если бы жалобы имелись, поэтому она несколько минут поддерживала спокойный светский разговор, с удивлением ловя себя на том, что совершенно не волнуется. А ведь находится наедине с незнакомым мужчиной, притом чужестранцем, обычаи родной страны которого знает посредственно! Больше того, разглядывает его без стеснения и позволяет рассмотреть себя.

А с другой стороны, что ей скрывать и чего стесняться? Белый с пепельно-розовым дневной наряд очень шёл Идане, тонкие кружевные перчатки и жемчуг на шее – тем более, а собранные в аккуратную высокую причёску кудряшки постоянно притягивали взгляд собеседника. Безупречная осанка, тонкая талия, обаятельная улыбка… Если попытаться поставить себя на место илаата, привыкшего к совсем иным чертам и одеждам, это должно смотреться столь же экзотично и привлекательно, как наружность принца в Транте.

Через несколько минут принесли чай. Никаких любопытных служанок, столик прикатил ещё один лакей с лицом, напоминающим восковую маску. Идана даже пристально вгляделась в его движения, гадая, человек ли это или отлично исполненный автоматон?

Но через мгновение от этого вопроса отвлекло появление ещё одного илаата, при виде которого все мысли о лакее вылетели из головы фройлян Морнхут.

Такие же свободные белые штаны, как у принца, подпоясывал шёлковый алый шарф, а верхнюю часть тела прикрывал только длинный распахнутый жилет, расшитый красным и золотым. На груди висело несколько ниток бус. Ида с трудом и вскользь вспомнила, что эта деталь одежды называлась кутра, и постаралась сосредоточиться на том, чтобы оторвать взгляд от торса непривычно полуобнажённого мужчины. Это давалось с трудом: илаат был слишком хорош собой. Гладкая смуглая кожа, развитая мускулатура, правильные черты лица…

Ох, Защитник, можно подумать, она могла сейчас разглядывать его лицо!

– Я прошу прощения за то, что прерываю беседу, – заговорил илаат, у двери глубоко поклонившись и прижав ладони к груди. – Мой господин, прилетел почтовый ворон с вестью из дома.

– Простите, фройляйн, это не займёт много времени, – обратился принц к Идане, принял из рук посетителя небольшой цилиндрический футляр и полностью сосредоточился на нём.

– Разрешите представиться, прекрасная дева, я Кутум Чёрный Ветер, – белозубо улыбнулся почтальон и склонился к руке Иды.

– Идана Морнхут, приятно познакомиться. – Ида всё же заставила себя отвлечься от волнующего и смущающего вида полуобнажённого рельефного торса и смогла вежливо улыбнуться илаату в лицо, когда тот задержал её ладонь в своей заметно дольше положенного.

Перчаток Кутум не носил, у соседей это вообще было не принято, и Ида не смогла не отметить, какие горячие у него руки. И, кажется, сильные.

– Неужели вы – одна из заложниц грядущего мира? Изумительно! Я надеялся, что Трант уступит нам несколько прелестных цветов из своих оранжерей, но даже мечтать не смел, что среди них окажется столь прелестная роза воистину королевского сорта. – Кутум рассыпался в комплиментах, выпустил наконец руку Иды и без приглашения занял соседнее кресло.

Идана попыталась вспомнить, что говорил на этот счёт этикет Илаатана – имел ли право кто-то садиться без приглашения в присутствии принца, и если да, то кто, – но не преуспела.

Слишком отвлекал илаат. Бархатисто-мягкий, глубокий голос обволакивал сознание и напрочь лишал возможности думать. Так бы сидеть и слушать его вечно…

Последняя мысль слегка отрезвила, Ида насторожилась. Голос был хорош, и его обладатель – тоже, но не слишком ли быстро она растаяла?

Чтобы не затягивать паузу, девушка сделала несколько глотков чая и незаметно до боли прикусила щёку изнутри, пытаясь вернуть себе самообладание. Это помогло. Идана вспомнила, что магия илаатов позволяла им воздействовать на живую природу, включая человека и его сознание.

Внутри мгновенно вскипело раздражение, но Ида одёрнула себя и заставила сохранить лицо, даже улыбнулась велеречивому илаату.

– Я не большой знаток культуры Илаатана, но, кажется, у вас принято ценить в розах не столько их красоту, сколько остроту шипов, не правда ли?

– Сочетание красоты и умения не дать себя в обиду – воистину проявление совершенства, – с улыбкой ответил Кутум. – Да, мы ценим это в женщинах.

– То есть в том случае, если кто-то попытается влезть в мою голову, будет уместно воткнуть ему в руку шпильку? За отсутствием других шипов, – невозмутимо продолжила Идана.

Собеседник растерянно приподнял брови во время этой короткой тирады, а потом вдруг расхохотался – громко и заразительно, слегка запрокинув голову и без стеснения демонстрируя отличные белые зубы.

– Простите моего друга, – вмешался в разговор помалкивавший до сих пор принц. Он не смеялся, но улыбался весело и тоже очень искренне. – Мы должны всесторонне проверить девушек и подготовиться к их визиту. Заметные воздействия на сознание, разумеется, под запретом, а подобные мелкие хитрости, призванные расположить собеседника, используют многие. Покажи, Кутум.

– Вот, – тот аккуратно высвободил из-под украшений тонкий кожаный шнурок с изящной резной подвеской из кости или светлого дерева. – Это совсем простая поделка, какие можно достать едва ли не на каждом шагу, легко воздействует на разум, успокаивая и вызывая доверие. Наши амулеты отличаются от ваших артефактов.

– Я техномаг, я знаю, – не удержалась от замечания Ида, с жадным интересом вглядываясь в подвеску.

Артефакты Транта имели сложную конструкцию, состояли из нескольких металлов с каменными вставками и служили долго. Их заряд обычно восстанавливался сам от окружающего фона, но при необходимости техномаг мог его пополнить своей силой. А в Илаатане пользовались амулетами. Изготовленные из дерева, кости, перьев, кожи и других «живых» материалов, они могли нести большое количество магии, но не возобновляли её и, истощившись, приходили в негодность. Ида знала это в теории, но ещё ни разу не видела настоящих илаатских амулетов – в Транте их не жаловали и запрещали ввоз.

– Тем лучше! – заверил принц. – Разумеется, на сам… отбор не допустят даже таких вещиц, и за возможными женихами, имеющими соответствующий дар, приглядят отдельно, но вам предстоит жить в Илаатане и лучше заранее настроиться. Мы выясняем, насколько каждая девушка подвержена внушению, и если всё плохо – её придётся обучить защите и обеспечить амулетами.

– Ах, это была проверка, – раздосадованно протянула Идана. Осадок остался неприятный, но на хитрого принца она не сердилась, и на его друга – тоже. Разумная предосторожность, которая на пользу иноземным невестам. – И как, я её прошла?

– С блеском, – заверил принц.

– Скажите, – сообразила Идана, – а внешний вид вашего друга, наверное, тоже не случаен?

– Разумеется, – не стал скрывать тот. – Культура Транта запрещает обнажать тело, насколько я помню, некоторые послабления делаются только для женских вечерних платьев, а наша не видит в наготе ничего стыдного. Порой неуместное – да, но в спокойной дружеской или праздничной обстановке подобный вид никого не смущает. – Сулус выразительно указал на распахнутую кутру, и Идане пришлось приложить всю силу воли, чтобы не прилипнуть опять взглядом к скульптурному торсу. – Конечно, ко всему можно привыкнуть, но и первая реакция важна. Одно дело, когда девушка просто смущается и отводит глаза, но совсем другое – если начинает яростно требовать прикрыться или, хуже того, падает в обморок.

– Что, и такие были? – изумилась Ида. Ладно возмущение, она и сама знала нескольких таких чрезмерно благовоспитанных девушек, но обморок?!

– Увы, – неопределённо отозвался принц. – Но проверки проверками, а мне бы хотелось услышать и ваше собственное мнение. Неужели вы в самом деле готовы вот так оставить родные места и перебраться в другую страну? Где, как бы мне ни хотелось обратного, можете столкнуться и с враждебностью, и с козням некоторых фанатично настроенных людей. Мы обеспечим безопасность и постараемся предотвратить неприятности, но в новом обществе и чужой культуре шероховатости неизбежны.

– Простите, ваше высочество…

– Сулус. Я же просил, – он нахмурился с лёгким укором.

– Хорошо, Сулус. Простите, но я не верю, что биографии потенциальных невест для вас – закрытые книги. Вы наверняка знаете, кто я и почему до сих пор не вышла замуж, – твёрдо заговорила Ида, предпочтя решать все вопросы прямо и сразу. – Я считаюсь падшей женщиной и не могу рассчитывать на достойное замужество. Даже если мне повезёт встретить мужчину, способного отринуть предрассудки, всегда остаётся окружение, которое неизменно будет давить и отравлять жизнь. В Илаатане иное отношение к вопросу добрачных связей, и я не раз задумывалась, каково это – оказаться в стране с вашими обычаями. Конечно, я бы предпочла остаться здесь и изменить нравы Транта, но подобное вряд ли произойдёт на моём веку. А я ещё достаточно молода и хочу найти своё счастье. Я сказала что-то не так? – нахмурилась она, потому что принц с его другом слушали эту речь молча, с непонятными лёгкими улыбками. Показалось – насмешливыми, но Ида предпочла уточнить, прежде чем обижаться.

О собственном меркантильно-производственном интересе младшая Морнхут решила пока промолчать. Потом. Для начала надо добраться до Баад-Натхи и освоиться там.

– Напротив, – поспешил заверить принц. – Вы говорите то, что я надеялся услышать. Мне, вслед за владыкой Илаатана и королём Транта, не хотелось бы, чтобы участники этого соглашения чувствовали себя жертвами. И ваш разумный оптимизм – это лучший вариант из возможных.

– И много вам попалось оптимистично настроенных невест? – осторожно спросила Ида.

– К счастью, у нас есть неплохие шансы набрать десять подходящих девушек. И если вы не передумаете, то я буду счастлив видеть вас среди них, – окончательно развеял её сомнения Сулус.

– У меня было время обдумать всё и принять решение. Если требуется официальное согласие родителей…

– О нет, мне достаточно вашего, вы ведь совершеннолетняя по законам Транта. Согласие родителей волнует вашего короля, и именно его канцелярия занимается соответствующими вопросами. Кутум, бумаги?..

– Всё здесь, – с готовностью поднялся тот и принёс с каминной полки тонкую кожаную папку с золотым тиснением, которую Ида поначалу не заметила.

Дальше некоторое время пришлось посвятить вопросам исключительно практическим и настолько обыденным, что Идана порой боролась с нервным смехом. Договор с указанием

обязанностей сторон, небольшая анкета с пунктами о предпочтительных качествах жениха и неприемлемых продуктах в рационе… Она не могла внятно сформулировать, чего ждала от этой аудиенции, но точно не этого.

Содержался здесь и финансовый вопрос. Традиции двух стран разнились, в Транте полагалось приданое за невестой, а в Илаатане – наоборот, за неё платили выкуп родителям. По соглашению правителей, этот вопрос на себя брала принимающая сторона: государство обязывалась обеспечить благополучие будущих семей и оказать им некую поддержку, которая в каждом случае оговаривалась отдельно. Конечно, только в том случае, если девушки действительно выйдут замуж.

Так или иначе, но через час фройляйн Морнхут покинула дворец с документами и дальнейшими инструкциями, согласно которым через шесть дней к определённому часу требовалось прибыть с вещами в воздушный порт. А илааты остались: через час предстоял визит следующей девушки. Каждая такая встреча оказывалась сюрпризом, к которому нельзя подготовиться заранее, и мужчины предпочитали использовать паузы для отдыха.

– Как тебе возможная невеста? – нарушил молчание Сулус, когда слуга удалился, беззвучно прикрыв за собой дверь.

– Красивая девушка, – дипломатично отозвался Кутум. – Они все такие светленькие, непривычно.

– А как твоя возможная жена?

– Ты меня каждый раз будешь подначивать с этим вопросом? – рассмеялся друг, помощник и бессменный секретарь. – Нет, мой принц. Эта ещё больше нет, чем все остальные.

– Почему? – удивился Сулус. – Симпатичная, без особых предрассудков, очень рассудительная…

– Вот именно, – хмыкнул друг. – В этом и проблема. Слишком рассудительная! И, прости меня, занудная. Твоей принцессе такой склад характера, Илаатан только выиграл бы!

– Сложно сказать, – вздохнул принц.

– Извини, – опомнился Кутум. – Как у тебя с ней?

– Пытаемся договориться, – честно признался Сулус. – Мариика – неплохая девушка. Порывистая, конечно, болтливая и немного эгоистичная, но ей всего восемнадцать, она неглупа и к своим годам наловчилась уверенно манипулировать окружением. Думаю, Владычица одобрит и примет такую невестку, и вообще моя невеста – настоящая принцесса. А эта… фройляйн Морнхут, – он медленно и старательно выговорил сложные слова чужого языка, получилось почти без акцента, – милая девушка, но слишком уж прямолинейна. Так что – нет, ты не прав, Мариика в роли невесты подходит мне несравнимо больше. Будем надеяться, на Морнхут обратит внимание кто-то из далёких от владыческого двора людей. Но я отчаялся понять, кого ты ищешь. Та слишком порывиста, эта слишком рассудочна… Гляди, другие расхватают!

– Разве это плохо? – пожал плечами Кутум. – Или ты настроен женить меня именно сейчас и именно на ком-то из них? Чтобы не одному мучиться?

– Нет, почему? Я просто пытаюсь понять, что ты ищешь.

– Любовь?.. – тихо уронил тот, заглянул в бокал. – Разве не этого, в конечном итоге, мы все ищем и жаждем? Любовь горячая и яростная, любовь мгновенная и глубокая, любовь всеобъемлющая и всепрощающая…

– Когда ты успел стать романтиком?! – Принц посмотрел на друга с изумлением. – Так договоришься до желания обрести истинную пару! – предположил он и сделал рукой отвращающий знак: словно поймал перед лицом мошку и сжал её в кулаке. Поверье приписывало этому жесту силу оставить слова тому, кто их сказал, и не донести до богов, чтобы не накликать.

– Нет, боги с тобой! Конечно, нет! – Кутум, хмурясь, тряхнул головой. – Но всё же… Может быть, любовь – это единственное, ради чего стоит жить? И ради чего стоит умереть…

– Я вообще не настроен умирать в молодом возрасте! Тем более во имя какой-то одной женщины, – насмешливо фыркнул Сулус. – Предпочту пожить на радость себе и пользу Илаатану. Чего и тебе от души советую как друг и приказываю как принц.

– Да, конечно, – стушевался Кутум и усмехнулся. – Я не всерьёз, в порядке лирических рассуждений. Общение с местными девушками настраивает на романтический лад. Да и вообще… Если оставить эту лирику, ничего не изменится. Ни одна не приглянулась мне настолько, чтобы выделить её из остальных, и, раз ты пока не приказываешь мне жениться, я потерплю. Ты ведь не приказываешь?

– Боги с тобой, и не думал даже! Давай оставим эту тему, – решил принц, озадаченный поведением друга.

Обаятельный, с отлично подвешенным языком, Кутум всегда имел успех у женщин, и до сих пор ему не приходило в голову связать себя с одной и навсегда крепкими узами. Он влюблялся по меньшей мере раз в месяц, иные увлечения не длились и недели, и такая жизнь его полностью устраивала. Сулус не одобрял переменчивости лучшего друга, но в чужие сердечные дела никогда не лез: Кутум обладал удивительным талантом расставаться со своими пассиями полюбовно. Пока ни одна из них не приходила с жалобами ни к принцу, ни к отцу «первого любовника владыческого двора», Сулус не считал себя вправе вмешиваться в жизнь взрослого самостоятельного человека. Друг на участие в этом отборе невест-то согласился исключительно за компанию и потому, что вероятных женихов предполагалось по меньшей мере в три раза больше, чем невест.

Тем неожиданнее оказалось услышать от Кутума столь высокие речи, произнесённые всерьёз. Да, очаровывая новую прелестницу, друг мог и стихи читать, и красиво рассуждать о чувствах, и звёздочку с неба достать – на словах или даже на деле, но вот так, в подобном тоне, да за бокалом вина? Это было ему несвойственно и очень на него не похоже.

Сулус не мнил себя знатоком человеческих душ, его куда сильнее привлекала наука и магия, поэтому он благодарил богов за то, что является лишь третьим сыном Владыки и может позволить себе заниматься любимым делом. Принц допускал, что может недостаточно хорошо знать друга и не замечать каких-то скрытых до определённого момента черт характера, вроде вот этой вдруг пробудившейся любовной хандры. Но тем интереснее стало разобраться, что нашло на Кутума.

Интереснее и, главное, важнее. Одно дело, когда в неподходящую женщину драматически влюбляется абстрактный юноша из благородной семьи, и совсем другое – когда происходит это с доверенным лицом одного из сыновей Владыки, которое вхоже в личные покои и посвящено во многие тайны. Не хочешь, а заподозришь злой умысел и попытку подобраться к правящей семье.

Расспрашивать Кутума сейчас явно было бессмысленно, а вот отправить почтового ворона к Далану Песчаной Змее, Голове Старшего Дракона – стоило.

Старшим Драконом звалась личная гвардии Владыки, которая в Илаатане занималась расследованием преступлений государственной важности, а также защитой правителя, его семьи и незыблемости вертикали власти. Далан возглавлял эту службу уже лет двадцать и нареканий по ней не имел. Больше того, именно он придерживался мнения, что лучше перестраховаться заранее, чем разгребать последствия непредусмотрительности, и привил его всем подопечным. Поэтому встретить непонимание Сулусу не грозило.

***

Поначалу казалось, что несколько дней на сборы – это много, а на деле время помчалось вперёд столь стремительно, что дух захватывало, и Идана начала бояться, что абсолютно ничего не успеет. Фрау Морнхут взялась подготовить для дочери достойный гардероб, отец – подготовить дочь к реалиям Илаатана, а старший брат – юридическую и экономическую почву для прорастания на новой земле семейного дела. И всё это, разумеется, не могло обойтись без

внимания Иданы. Матушка пыталась, но тут уже сама Ида решительно выступила против: если дать фрау Морнхут волю, то со всем багажом её дочери никакой дирижабль не взлетит! А куда ей столько? Тем более одеваются в Илаатане иначе.

Так что дел было много, помощников – тоже, а Идана – одна. Хотя через пару дней появилось подозрение, что такими темпами её скоро разорвут на добрый десяток маленьких Ид. Или недобрый, что вероятнее.

И всё-таки, несмотря на вымотанные нервы, несколько небольших семейных скандалов и недостаток сна, сборы окончились успешно, и дирижаблю со стороны семейства Морнхут ничего не грозило. Набралось всего два дорожных чемодана с одеждой и книгами и ещё небольшой саквояж с самым ценным – драгоценностями и документами.

Бумаг набралось изрядно. Собственные рабочие записи, необходимые разрешения и полномочия от отца, короткие досье на тех, кто мог оказаться полезен в будущем деле. И, конечно, вся подноготная на Пола. Девушкам разрешили взять кого-то из особо доверенных слуг, но Ида предпочла слугам его.

Полом, или, если целиком, «Полноценной действующей моделью человека экспериментальной», назывался личный автоматон Иданы, на котором та отрабатывала многие свои задумки. Хозяйка, конечно, знала любимое детище наизусть до последней шестерёнки и безо всяких схем, но предпочитала перестраховаться.

Выполнять функции горничной техномагический болван, конечно, не мог: мелкая моторика оставляла желать лучшего и сводилась к нескольким базовым упражнениям, не столько полезным в работе самого Пола, сколько важным для оценки возможностей конечностей, которые на автоматоне отрабатывались. Но зато он очень солидно выглядел, особенно для демонстрации достижений техномагии далёким от неё илаатам.

Ида не старалась придать Полу побольше сходства с человеком, из антропоморфного в нём были только конечности – те части, для отработки и отладки которых он и служил. Непропорциональное, слишком квадратное тело закрывали кожухи из дублёной кожи на тонком каркасе с деревянными и металлическими вставками. Управляющий кристалл, магической мозг конструкта, располагался в виброгасящем подвесе в самой защищённой части корпуса – чуть ниже плеч, примерно там, где у людей размещались лёгкие. Но сильнее всего посторонних впечатляло отсутствие у Пола головы, из его плеч торчали только небольшой звукоуловитель на стойке и окуляр на длинном гибком световоде.

Чтобы автоматон не громыхал и мог брать предметы, ступни и ладони подбили искусственным каучуком, так что двигался Пол сравнительно тихо. Правда, боялся сырости и грязи, и Идана раньше не вытаскивала его на улицу. Но сейчас выбора не осталось, и она надеялась, что один переезд её детище как-нибудь выдержит, тем более погода стояла хорошая.

Пользу Пол мог принести не только как демонстрационный образец. Надёжный конструкт преспокойно таскал тяжёлые чемоданы, которые сама Ида оказалась не в состоянии даже поднять. А ещё знал несколько танцев, и это был заслуженный повод для гордости и радости хозяйки, которая любила танцевать и нередко на светских приёмах жалела о собственной репутации и том образе, который сложился в глазах окружающих, потому что приглашали её без задней мысли редко. И вёл в танцах Пол достаточно неплохо, чтобы получить от процесса удовольствие. Конечно, не как хороший живой партнёр, но явно лучше плохого партнёра.

Провожать Идану в воздушный порт отправилась вся семья. Мысленно присутствовал даже Волдо: отец сообщил ему о принятом решении и получил ответную телеграмму со словами поддержки, пожеланиями и напутствиями. В тексте брат удержался от шуток и подначек, но Ида достаточно хорошо его знала, чтобы представлять реакцию без купюр. Да и Рабан компенсировал отсутствие старшего, стараясь за двоих.

За рулём мобиля сидел брат. Фрау Морнхут, с одной стороны, гордилась умением дочери управиться с железным монстром, но, с другой, опасалась этих детищ прогресса и гораздо

больше доверяла сыну. Она бы вообще предпочла общество своего водителя, очень неторопливого и флегматичного мужчины, но супруг привычно отмахнулся от этого страха, над которым всегда посмеивался.

Пола в салон не взяли, он занял бы слишком много места. Но за любимца Идана не беспокоилась, тот вполне мог прокатиться на запятках для лакеев, которые почти никогда не использовавшихся в семействе Морнхут по назначению.

Мобиль без заминок пропустили на территорию воздушного порта. Невест собирали не в общем здании вокзала, а в отдельном королевском павильоне, предназначенном для правящей семьи и особо важных гостей. Подтянутый офицер в лейтенантском мундире королевской гвардии указал, где поставить мобиль, проверил документы будущей невесты, стараясь не глазеть слишком уж неприлично на автоматона, который под командованием Рабана доставал багаж. Поскольку рук у Пола было только две, он взял на себя основной груз, а маленький саквояж брат подхватил сам.

В небольшом светлом холле, отделанном тёплым кремовым мрамором, к ним тут же устремился один из носильщиков с тележкой, их возле стены скучало аж четверо. И люди, и их транспорт казались одинаковыми и выглядели словно в дорогой гостинице: бурый с золотыми пуговицами мундир, отрепетированная улыбка, шпонированная тёмным деревом и обитая блестящей латунью тележка – буквально картинка из рекламного проспекта.

При виде механического конкурента носильщик замер и растерялся, зато среагировал Рабан и указал на тележку:

– Пол, поставь. – Автоматон, несколько мгновений помешкав, распоряжение выполнил. – Может, и его туда посадить? А что, чем не багаж!

– Всем, – недовольно буркнула Ида и поправила очки на носу. Плохого зрения она стеснялась, но не до такой степени, чтобы лишить себя возможности вдосталь полюбоваться на дирижабли. – Не хватало ещё, чтобы его повредили или он что-нибудь повредил! Пол, следуй за мной.

– А главное, в багаже его не увидит принц и конкурентки, – рассмеялся Рабан, вручил автоматону маленький саквояж сестры, быстро проверил бирки на ручках чемоданов и дал носильщику на чай.

Родители наблюдали за этим со стороны не вмешиваясь – дети уже достаточно взрослые, чтобы самостоятельно решать мелкие бытовые вопросы. Анина больше любовалась строгим и элегантным убранством холла – зеркала, огромная хрустальная люстра, изящные скамейки и несколько пышных растений в кадках, – а Адарик безуспешно пытался читать газету, купленную по дороге. Для этого у него имелась всего одна рука, за локоть второй держалась супруга, которая к тому же всегда ругала его за чтение на ходу.

Приспособиться он так и не успел. Рабан подал сестре руку, и дети чинно приблизились, пришлось следовать дальше.

Дверей в холле, не считая входной, было три. Две по одной стене, поскромнее и почти незаметные, вели в дамскую комнату и мужскую уборную, а двустворчатые, из матового стекла в частом переплёте, – в зал ожидания. Идана поборола порыв велеть Полу открыть и придержать дверь, это могло кончиться плохо. Сложные команды автоматон не распознавал, а открыть дверь – простое дело только на человеческий взгляд. Взять за ручку, надавить, потянуть, отступив на полшага, потом придержать, перехватить и пройти внутрь, и именно в такой последовательности, ничего не перепутав… Подобному Пола никто не учил. А жаль, могло бы произвести впечатление!

Зал ожидания, оформленный в спокойных серо-зелёных тонах, оказался похож одновременно на дорогой ресторан и просторную гостиную. Зону справа занимали несколько столиков в окружении мягких стульев с высокими спинками, всё остальное пространство – группы изящных кушеток и кресел. В дальнем углу на возвышении блестел чёрным лаком рояль, пара

книжных шкафов предлагала скоротать время за чтением, а официанты в белых передниках – за едой.

Морнхуты прибыли не первыми, но, кажется, не последними. Анина сразу потянула мужа и с ним вместе всю семью засвидетельствовать почтение принцессе и её будущему супругу.

Вот только, привычная к жизни с тремя техномагами и их постоянными экспериментами, почтенная фрау совершенно забыла, какое впечатление всё это производит на неподготовленных людей. А расчёт её дочери оказался верен: звездой дня определённо стал Пол. Глазели на него не только илааты, которых тут было четверо – помимо принца и его друга, присутствовали ещё двое мужчин, представленные как помощники, но больше похожие на личную охрану, – но и сама принцесса, и остальные ожидающие.

Ида была ей представлена, и этого вполне хватило, чтобы Мариика усадила девушку рядом с собой, с другой стороны от принца Сулуса, и засыпала вопросами о том, что умеет её механическая игрушка.

Идана любила рассказывать о техномагии и своей работе, а принцесса оказалась по-детски непосредственна и любопытна, так что с четверть часа девушки преспокойно болтали о том, о чём в приличном обществе им не полагалось не то что говорить, но даже думать. Однако желающих одёрнуть их не нашлось, Сулус и его друг и бессмертный секретарь Кутум, расположившийся в кресле рядом, слушали с не меньшим интересом и даже задавали вопросы.

За это время успели прибыть остальные невесты. Ида с радостным облегчением обнаружила среди них отлично знакомое лицо, и это открытие буквально окрылило.

Вскоре через боковые двери, не замеченные Иданой, вошёл немолодой хмурый илаат с собранными в тугую косу волосами и без украшений. Одежда его отличалась от остальных не только чёрным цветом, но и покроем. Штаны *у*же и, кажется, гораздо теплее, мягкие сапоги до середины икры, рубашка-калим – короче и плотнее. Кутра не кутра, но той же длины стёганый жилет, подпоясанный ярко-синим. Поверх наброшен длинный пиджак на пуговицах, сейчас расстёгнутый, понизу отороченный мехом.

Илаат остановился, сразу замеченный всеми, глубоко поклонился, не сводя пристального взгляда со своего принца, а когда тот коротко кивнул и сделал быстрый жест рукой, точно так же молча скрылся за дверью. А принц через мгновение поднялся.

– Прекрасные фройляйн! К вылету всё готово, и нет смысла его откладывать. Прошу всех проследовать для посадки. – Сулус пригласил всех в сторону той двери, за которой скрылся мужчина в чёрном.

На мгновение в зале всё стихло, а потом девушки засуетились, но больше, конечно, не сами невесты, а их сопровождающие – прощания, напутствия, понятные тревоги…

Меньше всего шума создавали две девушки, державшиеся особняком, которых никто не провожал. В одинаковых светло-синих платьях с белыми воротничками и манжетами, они, кажется, явились из закрытого пансиона для благородных девиц.

Одна, со светло-золотистыми волосами, невысокого роста и проще лицом, отличалась красивым голубым цветом глаз, которые блестели нескрываемым любопытством. Вторая была на полголовы выше и вид имела сдержанно-королевский, который очень подходил ей – безупречные черты лица, аккуратно убранные блестящие каштановые волосы, карие глаза и чувственные губы. Кажется, именно её присутствие до сих пор не позволяло спутнице перезнакомиться с окружающими: светловолосая курсистка то и дело порывалась шагнуть вперёд, но каждый раз оглядывалась на соседку и сдерживалась.

Первыми к выходу, подавая пример, направились принц и принцесса, рука об руку, чинно, как положено жениху и невесте, а следом потянулись остальные.

Идана, выпущенная наконец из родственных объятий встревоженной и чуть не плачущей от волнения матери, через мгновение угодила буквально из огня в пламя: в руки Греты Иргвид, бойкой миловидной шатенки двадцати четырёх лет от роду из приличной и респектабельной

семьи, присутствие которой так обрадовало Иду несколькими минутами ранее. Эта девушка была единственной, кого Идана могла назвать своей подругой.

– Как я рада, что ты тоже вызвалась поехать! Просто камень с души. Я совершенно ничего не успела и даже не смогла как следует попрощаться! Написала тебе письмо, но, представляешь, забыла, отправила я его или нет? Кажется, всё же нет, – вздохнула Грета, крепко уцепив подругу под локоть.

– Да, сборы вышли… стремительными, – согласилась Идана. – Удивляюсь, как я голову дома не забыла!

– Тебе без неё пришлось бы туго! – звонко рассмеялась Грета. – Да и некрасиво это. Зато, пока ты развлекала принцессу, я всё выяснила.

– Совершенно всё?

– Совершенно! – радостно подтвердила подруга. – У нас собралась чудесная компания!..

Из будущих невест, помимо Греты, Идана лично знала троих, и все тоже… с изъянами, как и она сама, и её подруга – дочь хоть и почтенного, но довольно несчастного рода, в котором появилось на свет шесть девочек и удачно пристроить удалось не всех.

Вилма Гунтрад – энергичная яркая брюнетка, младшая дочь графа, в свете считалась падшей, как сама Идана, и имела схожее пятно на биографии.

Рыжая Лииса Лондрин, скандально известная своей непримиримой и безнадёжной борьбой за права женщин, на которую давно махнули рукой собственные тихие и религиозные родители и, наверное, с облегчением встретили её отъезд.

Ну и, конечно, Одила Трольд, насчёт которой свет давно спорил: чудачка, сумасшедшая или проклятая. Она сама уверяла, что общается с призраками, и неизвестно, что хуже: если девушка только заявляла об этом или действительно разговаривала. Несколько веков назад за такое вполне могли отправить на костёр, сейчас – просто сторонились. Одила от этого не страдала: бледная, с угольно-чёрными волосами и большими чёрными глазами, она сама походила на жутковатого духа и держалась всегда особняком, предпочитая общество книг.

Ещё три девушки, дочери старых и уважаемых семей, изначально прибыли в Линдер, столицу Транта, из других городов, чтобы через две недели быть представленными ко двору на большом празднике, посвящённом началу лета, и неожиданный поворот с приглашением в Илаатан восприняли с воодушевлением, как шанс найти куда лучшую партию.

Обе курсистки оказались сиротами из приюта на попечении королевы, обе – из побочных ветвей весьма богатых и уважаемых родов, которые не особенно радовались подобным «побегам», и хотя не отказались обеспечить девушек финансово, но брать на себя их устройство и воспитание не пожелали. Непоседливая блондинка Эрма Шантар оказалась родственницей весьма одиозного графа, ярого сторонника ортодоксального патриархата, который откровенно презирал женщин, и Ида подумала, что девушке повезло вырасти в приюте, а не рядом с этим неприятным типом. А надменная брюнетка Ерсэла Прат оказалась частью разветвлённого и плодовитого баронского семейства, которое на всю страну славилось своими бесконечными тяжбами всех родственников со всеми за очередное наследство.

Странная и не очень представительная собралась у принцессы Мариики свита. Видимо, найти более благополучных девушек, о которых говорил королевский посланник, не удалось, но главное, что всю делегацию одобрил сам принц. Да и так куда интереснее, чем с чопорными, скучными и заносчивыми девицами.

Идана жалела только об одном: она не сможет увидеть, каких девушек подберёт взамен Илаатан.

Глава 3. Правила транспортировки и хранения опасных веществ

Яд, который не действует сразу,
не становится менее опасным.
Г. Э. Лессинг

Когда Идана узнала, что в Илаатан девушки отправятся из воздушного порта, у неё не возникло и тени сомнений, что им предстоит полёт на дирижабле. Какой ещё транспорт достаточно быстр, удобен и начинать свой путь здесь?

Следовало бы учесть, что перелёт обеспечивала илаатская сторона, которая не производила дирижаблей и не пользовалась ими, лишь принимала грузы и пассажиров.

С другой стороны, даже хорошо, что Ида заранее не подумала об этом и не успела себя накрутить. Потому что одно дело – надёжные, проверенные и понятные аэростаты, а другое – вот такие живые… чудовища.

Их было трое, и они были огромны, больше трёх метров в холке. Мощные поджарые тела сложением напоминали кошачьи, только шерсть, покрывавшая их, выглядела странной, словно состояла из отрезков упругих лент. Крылья в сложенном виде раза в три превышали длину немалого приземистого тела, их кончики свисали почти до земли, и непонятно, как вообще такие громадины летают, а главное, как умудряются одновременно взлетать и нести общий груз, не мешаясь друг другу.

Два почти одинаковых, иссиня-чёрных с золотыми клювами, казались чуть мельче третьего собрата, а тот косился на них свысока и держался с королевским достоинством. Он и выглядел по-королевски, весь словно из полированного золота, буквально сиял в солнечных лучах.

Рядом с ними совершенно терялся и казался крошечным овальный вагончик, от которого к существам тянулись толстые, в руку, канаты и крепились к их сбруе.

Идана не сразу вспомнила название монстров: грифоны. Ей казалось, что они должны быть меньше, существенно меньше, и не такие… Совсем не такие!

Засосало под ложечкой. Вот на *этом* лететь в Илаатан? Кажется, она всё-таки боится высоты. И её уже укачивает…

Остальные девушки отреагировали по-разному.

– Ой, какие красивые! – восхищённо ахнула Грета и потянула подругу вперёд с ещё большим воодушевлением. – Смотри, там есть окна! Пойдём быстрее, обязательно надо устроиться у окна!

Ида постаралась взять себя в руки и волевым усилием заставила не упираться. Ещё бы получилось вот так справиться с трясущимися руками и подгибающимися ногами! Благо Грета не заметила, а то она непременно начала бы успокаивать, и ничем хорошим это бы не закончилось…

– Защитник сохрани! Мы что… Мы вот на этом полетим? – испуганно замерла светловолосая курсистка, шедшая впереди. Кажется, Эрма. Соученица одарила её тяжёлым взглядом и даже не попыталась что-то объяснить.

– Да не волнуйся так, – решительно подцепила её под локоть Грета и потащила вперёд уже двух девушек. – Смотри, какие у них крылья! Хотя бы понятно, как и почему они летают. Я как раз больше удивляюсь, почему не падают дирижабли, которые ничем не машут! А даже

если мы упадём, это совершенно не значит, будто мы разобьёмся. Я читала одну книжку, и вот там…

– Не волнуйтесь, мы не упадём, – своевременно прервал «утешения» нагнавший их илаат – друг принца Кутум. – Позвольте? – Эрма охотно вцепилась в предложенный локоть, посчитав мужчину гораздо более надёжной опорой и поддержкой, чем Грету с её рассказами. – Грифоны потрясающие существа, они летают не столько благодаря крыльям, сколько с помощью магии. Особое внутреннее волшебство, неподвластное людям. Любой из них справился бы с таким грузом один, трое их для солидности, – улыбнулся илаат.

– И это безопасно? – робко спросила Эрма.

– Абсолютно!

Идана ему не поверила, но промолчала. Вряд ли её замечание о том, что не существует ничего абсолютно надёжного, будет уместно и хоть кому-то, начиная с неё самой, поможет.

Стараясь не глядеть на крылатых чудовищ и вообще забыть об их существовании, Ида сосредоточилась на своих подругах по несчастью и отметила то, чему не придала значения сразу: илааты зорко следили за состоянием пассажирок, притом к спутникам принца в этом благородном деле присоединилось несколько мужчин в чёрном. Идана насчитала девять одинаково одетых илаатов и через мгновение сообразила, что это экипаж. Если так можно, конечно, говорить о «пилотах» столь странного транспорта.

Пару сотен метров до вагончика на своих ногах преодолели все. Некоторые девушки держались спокойно и безучастно – или, как Ида, успешно делали вид, – кто-то взбудораженно рвался вперёд, а остальные цеплялись за опору в лице илаатов, и, на удивление, вели себя тихо. Наверняка без магии не обошлось, и Идана пока не понимала, как к этому относиться: то ли осуждать воздействие на разум, то ли завидовать, что ей не досталось добровольного помощника.

Изнутри транспорт напоминал одновременно вагон поезда и необычную гостиную. В вытянутом помещении по обе стороны от прохода располагались ряды сидений, попарно, лицом друг к другу. Кресла низкие, глубокие и мягкие, совсем не похожие на те, к которым девушки привыкли дома, и Ида пожалела, что послушала мать и оделась прилично, в строгое платье, и не пренебрегла корсетом. Он был достаточно удобным, но в этом кресле хотелось не сидеть, а развалиться.

Внутри вагончика Иде ощутимо полегчало, здесь не мозолили глаза гигантские чудовища и можно было убедить себя, что это – просто необычный салон дирижабля. Так что девушка, справившись с волнением, первым делом позаботилась о Поле, который, шурша хорошо смазанными шестерёнками, следовал за хозяйкой. Идана сопроводила его в дальний конец салона, где имелся свободный участок, предназначенный для крупного багажа, и скомандовала ему лечь. Оставлять его в вертикальном положении чревато: держаться не за что, а с равновесием у него не так хорошо, как хотелось бы. Упадёт, и неизвестно, что пострадает больше – он сам или окружение. Сидеть Пол тоже умел, но Ида усомнилась, получится ли у него подняться из столь необычного кресла.

Места здесь оказалось с запасом – хватило всем девушкам и немногочисленным сопровождающим, в том числе и служанкам, которых взяла только принцесса и ещё пара девушек, так что зря Грета переживала о месте у окна, устроиться удалось со всеми удобствами.

Багажа не наблюдалось, наверное для него имелось отдельное помещение, кроме пустого пространства в вагоне, а ручную кладь можно было пристроить под кресла, чтобы не мешалась под ногами, что Ида и сделала со своим саквояжем, забрав его у Пола. Правда, почти сразу опомнилась и под заинтересованными взглядами соседей потянула обратно.

– Вам помочь? – запоздало предложил Кутум.

– Не стоит, он совсем лёгкий, – ответила Ида, которая ни за что не доверила бы свои ценности кому-то постороннему. Под ценностями подразумевались, конечно, не украшения, к которым девушка была достаточно равнодушна, а бумаги.

Сейчас её, впрочем, интересовала безделица – одна из развлекательных книг, прихваченных, чтобы скрасить дорогу.

– Ой, а что ты читаешь? – тут же заинтересовалась Грета. – Что-то новенькое? А у тебя случайно нет с собой «Красавицы для варвара»? Представляешь, я не успела купить новинку! Матушка обещала выслать, но когда ещё представится возможность.

– Прости. Ты же знаешь, я не поклонница Незнакомки.

– Ну и напрасно. Опять твои скучные детективы? Как можно читать книгу, где совсем ничего нет про любовь!

– Здесь есть любовь, – привычно возразила Идана.

– Да ну, разве это любовь? Ни страсти, ни искры, такая скукота! То ли дело в «Монашке для вора»! Ты же читала, ну скажи? Не понимаю, как ты можешь после неё читать вот эти глупости!

– А Незнакомка – это?.. – с любопытством уточнил Кутум, без малейшего стеснения слушавший девушек.

Ида посмотрела на илаата с жалостью, сделала страшные глаза и беззвучно проговорила: «Беги!» Тот, кажется, понял, улыбнулся ещё шире, но правильных выводов не сделал. А Грета…

– О, вы не знаете?! Да, наверное, в Илаатане её не издают. Это совершенно чудесные истории о любви! Я обязательно дам вам прочитать, у меня несколько романов. Она потрясающая!

Илана глубоко вздохнула и постаралась сосредоточиться на своей книге, которой теперь предстояло отвлекать хозяйку не столько от полёта, сколько от болтовни подруги. Потому что Грета о любимой писательнице Лизетте Незнакомке могла говорить часами, но слушать её хватало терпения далеко не всем.

Ида любила подругу, и не только потому, что у неё не имелось иных вариантов. Фроляйн Грета Иргвид была очень милой, доброй и сострадательной девушкой, готовой прийти на помощь, обожала животных, прекрасно готовила и любила это делать, неизменно лучилась оптимизмом и охотно делилась им с окружающими.

Единственным камнем преткновения в их дружбе два года назад стала популярная писательница с псевдонимом Лизетта Незнакомка, с первой книги покорившая сердце Греты. Фройляйн Иргвид восхищалась, ждала, заранее записывалась на новую историю в книжном, а потом взахлёб рассказывала подруге о «та-акой любви», мечтая когда-нибудь подобную встретить. А Ида во время таких рассказов истово молилась Защитнику, чтобы «та-акая любовь» обходила подругу стороной, потому что не могла назвать любовью те взаимоотношения с похищениями, шантажом и содержанием «возлюбленной» в подвале. Но переубедить Грету не пыталась, сознавая бесполезность этого начинания.

Идана тоже читала отнюдь не одни учебники и справочники и любила отдохнуть с лёгкой историей не меньше подруги. Но разделить и даже просто понять симпатию именно к этому автору не могла и потому предпочитала уходить от темы. И так поднаторела в этом, что без труда сейчас отвлеклась на свою книгу, не слушая Грету.

– Извините, я правильно расслышал? Через *полотенце*? – Мужской голос оказался неожиданностью, поэтому Ида за него зацепилась. И, конечно, сразу поняла, о чём идёт речь.

– Именно! Правда ведь, невероятная фантазия? – на удивление, поддержала не Грета, а Эрма, которая за разговором тоже забыла о своём страхе.

– И ничего не фантазия, – возразила подруга. – Автор в интервью «Утреннему Линдеру» рассказывала, что все свои истории берёт из жизни! А в жизни случаются и более удивительные

вещи! Вот, например, в другой книге так получилось, что мужчина и женщина по очереди мылись в одной и той же ванне…

Эрма благовоспитанно потупилась, заодно пряча улыбку. Кажется, она была не столь доверчива, как фройляйн Иргвид, и всерьёз этим глупостям не верила. Ида поймала на себе растерянный взгляд илаата и выразительно пожала плечами, пытаясь передать ему своё «а я вас предупреждала!».

– Действительно. Некоторые даже в человеческий партеногенез верят, – проговорил себе под нос Кутум, пряча улыбку.

Эрма, сидевшая с ним рядом, тоже беззвучно захихикала: кажется, слово она знала и веселье мужчины разделяла. А Грета, увлечённая новым рассказом, всего этого не замечала. Как и того, что вопросы ей задают не из искреннего интереса, а с затаённой насмешкой.

Идана на мгновение опустила взгляд в книгу и незаметно закусила губу. Нет, всё же одно дело – легко, без злости подтрунивать над подругой наедине. Но происходящее выглядело уже совсем не мило и не забавно. Да, возможно, фройляйн Иргвид не самая умная девушка столицы, но у неё полно других достоинств! А вот насколько мила и добра Эрма – неизвестно. Вдруг у неё язык что жало? Явно же не так проста, как кажется на первый взгляд. Ещё не хватало, чтобы она превратила Грету в посмешище! До сих пор та своё увлечение книгами Незнакомки не афишировала, потому что юной девушке неприлично такое читать, но сейчас, видимо, её слишком взбудоражило происходящее, чтобы сохранять благоразумие. Да и о более вольных нравах Илаатана она знала…

Ида обвела взглядом отделанный тёмным деревом и украшенный нежными акварельными пейзажами салон, думая, на что отвлечь подругу, и наконец заметила то, чего так боялась, но умудрилась пропустить: за большими овальными окнами простиралась безбрежная синь, слегка подёрнутая белой дымкой.

– Грета, смотри, мы взлетели! И как мягко! – восхитилась Идана: их вагончик поднялся совершенно незаметно, и сейчас его тоже не качало. Наверняка именно так проявлялась загадочная магия грифонов. Интересно, можно ли этому научиться?..

Расчёт оказался верен, подруга мгновенно переключилась на вид, открывавшийся за окном. А Эрма, как с лёгким злорадством отметила про себя Ида, перестала смеяться и слегка побледнела. Кутум тоже это заметил и принялся что-то негромко ей рассказывать, даже взял за руку. С точки зрения привычного этикета – слишком большая и неприличная вольность, но в Илаатане, насколько помнилось, к подобным вещам относились проще.

Захотелось спросить, как и когда их будут учить всем тонкостям – традиции, этикет, язык, наконец Но эти вопросы Идана, подумав, отложила до более подходящего момента. Насмешки над Гретой прекратились, а дальше отвлекать внимание Кутума от Эрмы уже неуместно: пансионерка боялась непритворно, не стоило мешать её утешению, да и явный взаимный интерес этих двоих бросался в глаза.

Они же с Гретой с обсуждения пейзажа перешли на воспоминания о сборах, на радость оттого, что в это дело оказались втянуты обе, и на обсуждение нарядов илааток, которые им предстояло вскоре примерить. Лизетта Незнакомка с её творчеством, к облегчению Иданы, оказалась временно забыта.

***

Илаатан и Трант разделяли невысокие Зелёные горы, изрезанные многими ущельями, – отрог великих Северных, или Гномских, гор, могущественных и снежных. Этот небольшой хребет служил не только естественной политической границей, но и климатической. На родине Иданы, расположенной северо-западнее Илаатана, было суше и в среднем прохладнее, зимой часто выпадал снег, а иной раз и ложился на месяц-другой. Да и холодные океанские течения делали климат более суровым, нередко принося ледяные штормы.

А вот Илаатан, зажатый между Северными и Зелёными горами и Зелёным морем, изолированный от холодных течений и ветров, мог похвастаться гораздо более спокойным и благоприятным климатом. Мягкие тёплые зимы приносили только дожди, лишь в северных предгорьях иногда ложился снег. Лето длинное и тёплое, без иссушающей жары, с обильными дождями, благодаря чему (и, конечно, природной магии) илааты собирали до трёх урожаев в год.

Столица страны, Баад-Натха, расположилась на трёх невысоких холмах в пяти милях от побережья, где в удобной бухте размещался крупный порт, но знакомиться с будущими женихами транткам предстояло не там.

Загородная резиденция Владыки Илаатана носила название Сад Лилий. Этот дворец три века назад построили в тридцати милях от столицы, на берегу живописного озера. Тогдашний Владыка пытался порадовать подарком свою обожаемую жену, женщину хрупкую и слабую здоровьем, которое окончательно пошатнулось после рождения наследника. Но до завершения строительства бедняжка не дожила, и безутешный вдовец ни разу не взглянул на прекрасный Сад Лилий. Зато потомки оценили его по достоинству.

У правящей фамилии Чёрный Меч со временем появился обычай считать это место «семейным гнездом». Сюда, в отличие от городской резиденции, не допускались посторонние, сюда приезжали провести несколько дней в уединении с семьёй, здесь новобрачные некоторое время жили после свадьбы. Очень редко кому из семьи удавалось жениться по своему выбору, а не по политической надобности, так что молодым требовалось время наедине, чтобы привыкнуть и притереться.

Несмотря на это, роду Чёрного Меча везло. Поговаривали, на них лежало особое благословение богини Любви, потому что почти все политические браки на практике оказывались весьма удачными. Кто-то умудрялся полюбить, кто-то строил отношения на уважении, кто-то – на дружбе и поддержке. За последние века в этой семье не произошло ни одного развода, а случаи, когда супруги не сумели найти общего языка, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Всё это с явной гордостью и удовольствием рассказывал принц, сопровождавший гостий от посадочной площадки по живописной тенистой аллее к изящному белоснежному дворцу. Конечно, старался в первую очередь для своей невесты, которая держала его под руку и благосклонно внимала, но и остальные слушали с интересом.

Потом Сулус сбавил голос и заговорил с Мариикой о чём-то более личном, и девушки тоже зашушукались о своём. Эрма, например, принялась с изумлением расспрашивать Кутума, что такое развод и неужели в Илаатане действительно существует подобный варварский обычай. Илаат посмеивался над изумлением спутницы, но было отчётливо видно, что общество и разговор ему приятны.

– Кажется, одна из нас уже сделала свой выбор, – негромко заметила Грета, наблюдавшая за этой парочкой с улыбкой.

– Ну ты же не ревнуешь? – с иронией уточнила Ида.

– Защитник с тобой! – весело фыркнула подруга. – Я только рада! Мужчина должен быть серьёзным и основательным, а он – болтун и… вертопрах, вот!

– Откуда ты выудила это слово?

– Моя бабушка так говорит, правда забавно? – рассмеялась та. – Ой, смотри, какие лилии! Не просто так дворец назвали. Какие цвета!.. Как думаешь, нам разрешат тут погулять и полюбоваться? Хочу вот те рассмотреть вблизи, смотри, алые! Никогда таких не видела. Может, это и не лилии вовсе?..

– Не думаю, что нас запрут в четырёх стенах, – заверила Идана. – Но и дальше дворца вряд ли отпустят, пока мы не знаем языка. И тебе тоже придётся его выучить, иначе как ты думаешь искать себе жениха?

– Да ну тебя, зануда! – отмахнулась подруга. – Выучу как-нибудь. Много ли нужно, чтобы поговорить с мужчиной? Улыбаться, хвалить, соглашаться. Ну а прислуга… Разберусь как-нибудь! В крайнем случае, у тебя спрошу. Было бы здорово, если бы нам понравились друзья и соседи, да?

– Пожалуй, – улыбнулась Ида.

Лилии и вообще сад интересовали её мало, только как место для прогулок на свежем воздухе, а вот на архитектуру Идана смотрела с восторгом. Высокие стрельчатые окна почти от самого пола, изящные арки, тонкое кружево растительных барельефов – устремлённый в небо, дворец казался лёгким и воздушным.

В холле невест встретила прислуга, и девушки взглянули друг на друга с любопытством: сдержанным, украдкой, у благовоспитанных фройляйн и прямым, открытым – у илааток, одетых в одинаковые зелёные наряды, покроем почти не отличающиеся от мужских. Волосы их были тщательно собраны и уложены вокруг головы.

Командовала штатом строгая женщина в белом. Длинная юбка, ниспадающий почти до колен калим со свободными, разрезными от локтя рукавами, которые обнажали изящные предплечья, унизанные множеством браслетов – всё это очень сильно отличало почтенную фрау от горничных. Несмотря на возраст, она выглядела очень ярко и эффектно, даже морщины её удивительным образом не портили. Густые чёрные с проседью волосы свободно спадали ниже талии.

Дама на неплохом трантском назвалась Алтааной Небесный Ручей, помощницей смотрителя дворца, ответственной за обустройство и удобство девушек, и попросила обращаться к ней со всеми бытовыми вопросами. Затем женщина стала называть невест в алфавитном порядке, персонально кланялась каждой – со сдержанным достоинством, явно давая понять, что она – не одна из горничных, а ровня присутствующим, – и называла имя девушки, которая выходила из ряда и занимала место за спиной «своей» невесты. В Иде сразу зашевелилось любопытство, по какому принципу подбирались служанки, явно ведь не в случайном порядке, но этот вопрос показался сейчас неуместным.

Зато не сдержалась одна из незнакомых девушек, которых Идана не успела запомнить:

– Скажите, а какие у нас будут задания?

– Задания?.. – переспросила Алтаана и вопросительно посмотрела на принца, который тоже выглядел озадаченным.

– О каких заданиях вы говорите, фройляйн? – мягко спросил Сулус.

Та явственно смутилась и уже пожалела о своём любопытстве, потупилась, но пояснила:

– У нас есть старая сказка про то, как один король выбирал себе невесту, и там были всякие задания для девушек…

– Такие сказки у нас тоже есть, – облегчённо улыбнулся илаат, – но не волнуйтесь, ничего подобного не будет, мы же не в сказке. Вам придётся прослушать лекции по истории, этикету и прочим нужным для жизни вещам, начать учить язык, но это то, что необходимо вам же самим для дальнейшей жизни в Илаатане, никаких соревнований. И это не помешает отдыхать и развлекаться, всё же в первую очередь вы почётные гостьи. Сейчас вы освежитесь после дороги и осмотритесь на новом месте, а вечером состоится небольшой ужин, на котором будут присутствовать ваши возможные женихи. А до этого…

– До этого я бы хотела пригласить всех вас в свою гостиную, чтобы познакомиться получше, – вмешалась принцесса Мариика. – Всё же вы – моя свита.

Спорить с ней никто не стал, хотя лично у Иды не было никакого желания знакомиться с этой девушкой поближе. За то время разговора перед вылетом Мариика произвела приятное впечатление, но Идана полагала, что от короны и власти стоит держаться подальше. Супруга третьего принца, конечно, не то же самое, что Владычица, но всё равно…

Однако Ида понимала, что её мнение в этом вопросе никого не интересует. Какие бы цели ни преследовали правители на самом деле, отправляя эти брачные делегации, формально девушки считались свитой принцессы Мариики и должны были её слушаться. Более того, им оказывали огромную честь таким «назначением»: вряд ли в Транте хоть одна из них могла попасть в число фрейлин, там на эту роль приглашали дочерей куда более родовитых и влиятельных семей.

Внутри Сада Лилий царило то же ощущение воздуха и лёгкости. Широкие галереи с высокими сводами отделаны светлым мрамором, пол устилал изящный наборный паркет из разных сортов дерева. Мозаики и неизменные фонтаны тоже имелись, но пестроты, присущей интерьерам Илаатана, почти не было. Даже насыщенные традиционные узоры, выполненные в пастельных тонах, теряли яркость и становились строгими, сдержанными. Наверное, в те годы, когда строился дворец, господствовала иная мода. Или та женщина, для которой всё это построили, не любила пестроты?

Всех девушек, кроме принцессы, к их радости, разместили на одном этаже и в одном крыле, а Грету с Иданой – вовсе по соседству. То ли повезло, то ли принимающая сторона слишком хорошо подготовилась – какая разница! Подруги условились отправиться на посиделки с принцессой вместе, а пока разошлись по комнатам.

Внутри покоев оказалось не столь пасторально и пастельно, как в галереях, во всяком случае Иде достались комнаты вполне традиционного оформления. Три больших окна в гостиной и два – в спальне, все от пола до потолка, все в обрамлении сложного растительного орнамента насыщенного зелёного цвета с вкраплением жёлтого и красного. Основным тоном стен в обеих комнатах был светло-зелёный, но орнамент «жил» не только у окон, он отделял высокий потолок и светлый наборный паркет, очерчивал большое зеркало. Ему же вторила тонкая резьба на дверцах платяного шкафа, который составлял единый ансамбль с комодом, и изящный письменный столик в углу гостиной явно украшала та же умелая рука. Низкий восьмиугольный стол в гостиной заполняла мраморная мозаика в оттенках зелёного, но и её обрамляло покрытое резьбой дерево. Рисунок толстого мягкого ковра, на котором стоял столик, мелкий узор обивки низких кушеток, отливавший старым золотом, и больших плотных подушек для сидения не повторял резьбу в точности, но прекрасно гармонировал со всем остальным. Большая низкая кровать с резными столбиками стояла на возвышении, и от комнаты её отделяли шёлковые полупрозрачные занавеси, спадающие с потолка. Такие же прикрывали окна.

Ида оставила Пола при входе в углу, обнаружила в спальне на полу благополучно добравшиеся чемоданы и успела обвести поверхностным взглядом предоставленные ей комнаты, а потом застыла посреди гостиной, запрокинув голову, и простояла так с минуту. Наверное, стояла бы и дальше, но горничная Диила, совсем молоденькая невысокая и миловидная черноглазая девушка с круглым живым лицом и тёплой улыбкой, неуверенно спросила на трантском с заметным мягким акцентом:

– Госпожа, всё в порядке?

– Стремянка. Надо будет найти стремянку… – отозвалась Идана задумчиво, но тут же одёрнула саму себя: – Но это терпит. А ванная?..

– Вход туда – из спальни, набрать вам ванну? И если нужна лестница, я могу распорядиться, – добавила горничная неуверенно.

Ида фыркнула от смеха.

– Не надо лестницу. Не обращай внимания, просто мне очень любопытно наконец-то посмотреть на вашу магию в действии, хотя бы на примере светильника, – пояснила девушка. Диила заметно успокоилась и улыбнулась. – Ты, случайно, не знаешь, как и на чём он работает?

– Нет, простите, госпожа. Могу поспрашивать, – предложила горничная.

– Нет, спасибо. Пойдём, лучше ты поможешь мне раздеться. Иногда тартские женщины не способны на это самостоятельно. И, Диила, давай говорить на илаатском, хорошо? Мне

нужно практиковаться, – тяжело вздохнула Идана. – Смело поправляй, если я говорю не так, я знаю, что у меня ужасное произношение.

– Хорошо, госпожа, – кивнула Диила и, стараясь не слишком заметно коситься на Пола, прошла в спальню.

***

Это не скрывалось, но почему-то мало кто знал, что загородную резиденцию Владыки с попустительства одного из его предков давно облюбовал столичный Магиструм. Учёные и маги занимали целое крыло и никогда не мешали гостям и хозяевам, а некоторым из последних это даже приходилось кстати. Чёрный Меч много веков покровительствовал наукам, и Сулус ан-Яруш был далеко не первым из младших детей, которые предпочли путь учёности государственным делам. И знаменитых магов, великих исследователей и естествоиспытателей этот род помнил не меньше, а может, и больше, чем великих воинов.

Конечно, когда принц пожелал перебраться в Сад Лилий вместе со своими соратниками по исследованиям, место нашлось без труда. Возглавлял эту группу он, в первую очередь, благодаря собственному происхождению, Магиструм старался услужить Владыке, но не только из-за него. Принц действительно был талантлив, увлечён полезным делом и умел слушать старших и опытных товарищей.

Основу пространственной магии заложили всего несколько десятков лет назад, когда один из учёных сумел пойти дальше теории о том, что весь мир – это единое живое существо, и начать доказывать это на практике. Сейчас эта отрасль магической науки по праву считалась одной из самых перспективных и сложных, требовала, помимо силы, обилия серьёзных вычислений и развивалась пока медленно. Да, имелись наработки, небольшие порталы на расстояние в несколько футов уже считались обыденностью, но дальнейшее развитие идеи требовало много сил и напряжённой работы десятков и даже сотен людей.

Сулус, размышляя об этом, искренне радовался наметившемуся союзу с Трантом. Отличная математическая школа соседей могла дать новый толчок его собственным исследованиям. Да, не прямо сейчас, но он очень надеялся на расширение сотрудничества, и эта надежда была одним из весомых аргументов за то, чтобы согласиться на политический брак.

Но, конечно, перед продолжением исследований стоило разобраться, что пошло не так в последнем эксперименте. И сейчас Сулус радовался тому, о чём некоторое время назад беспокоился: что побочный эффект ритуала находился под рукой, и все научные соратники принца – тоже. И он мог позволить себе проводить невесту в покои, пожелать ей приятного отдыха и сразу же вернуться к любимому делу. Для этого требовалось всего лишь пройти в другое крыло дворца.

Писем от коллег в Трант не приходило, и этот знак радовал: Маран Отравленный Чёрный Меч вёл себя тихо и не доставлял проблем. Однако Сулус жаждал подробностей.

Найти Фаниса, заботам которого поручили побочный эффект эксперимента, не составило труда. Не просто так Сулус занимался пространственной магией, и ощутить присутствие кого-то одного, хорошо знакомого, на ограниченной территории он вполне мог без дополнительных чар и ритуалов. Молодой учёный обнаружился в одной из комнат поблизости от библиотеки, уже давно обустроенных как рабочие. И, на удачу Сулуса, юноша был там один.

– Мой принц! – Фанис отвлёкся от своих записей, вскочил и глубоко поклонился. – С возвращением.

– Спасибо. Садись, расскажи, есть какие-то подвижки?

– Ну… Господин Маран делает успехи, – осторожно отозвался Фанис. – Он уже вполне освоил разговорный язык и понимает письменный, хотя с орфографией проблемы. Книги читает… – добавил со странной неуверенностью и замолчал.

– Что за книги? Историю? – подбодрил Сулус.

– Нет, история его меньше всего интересует, как это ни странно. Хотя, наверное, я бы на его месте, пропустив тысячу лет, начал бы с неё, – предположил он.

– А что тогда?

– Законодательство, но это как раз понятно. Ещё собрал все справочники по ядам, какие были в библиотеке, и экспериментирует в лаборатории.

– Зачем ему яды? – изумился принц.

– Сказал – интересно, – развёл руками Фанис. – Но мне не приказывали его ограничивать, а мастер Шахру о чём-то с ним поговорил десять минут и разрешил пользоваться лабораторией, они там порой вместе что-то химичат.

– Мастер Шахру Лесной Сумрак допустил его до лаборатории без экзаменов и рекомендаций? – не поверил Сулус.

– Мне кажется, мастер Шахру им восхищается, но я не уточнял.

– Законодательство и яды… Маран планирует кого-то отравить и не попасться? – озадачился принц.

– Мне кажется, если бы он планировал кого-то отравить, вряд ли готовил бы яд в компании мастера Шахру по книгам, которые я для него выбрал.

– Разумно, – улыбнулся Сулус. – Но я ни в чём его не подозреваю, это шутка. Вряд ли он мог до такой степени с кем-нибудь поссориться за эти дни. Если изучает законы – значит, не хочет их нарушать, и это хорошо. А увлечение ядами… Не зря же его прозвали Отравленным! Раз мастер Шахру одобрил, может, себе в помощники и возьмёт, надо же его к какому-то делу пристраивать. Или это ещё не всё?

– Не совсем. Ещё он собрал все религиозные трактаты, какие нашлись в библиотеке. Я не знал, что их там так много… Причём выбрал издания одного и того же от разных лет. Я спрашивал, но у него на всё единственный ответ – интересно.

– Насколько помню историю, в его время богам и религии придавалось куда большее значение, чем сейчас, – проговорил Сулус. – Может, для него это важно? Важнее истории. Тем более если Маран сдружился с мастером Шахру, а ты знаешь его взгляд на эти вещи.

– Да уж. «Боги? Богов придумали люди, которые не хотят отвечать за свои поступки!» – очень похоже передразнил Фанис ворчливую манеру старого алхимика. Принц рассмеялся, а воодушевлённый юноша продолжил: – Наверное, это и правда тяжело – столкнуться с таким взглядом на мир, когда привык к другому.

– Он что-нибудь вспомнил? Сказал, откуда попал к нам? Или расчёты что-нибудь прояснили?

– Пока ничего, – погрустнел Фанис. – Не сказал и расчёты не дали. Но мне кажется, он всё помнит, просто почему-то не хочет говорить. Или это мне хочется, чтобы помнил?.. Или лекарь душ ошибся и на самом деле наш подопечный нездоров?

– Возможно. А может, его волнует что-то, чего мы даже предположить не можем. У него была очень насыщенная жизнь, и это только то, что сохранили хроники. А сколько ещё не дошло до наших дней! Может, ему и законы для этого нужны?.. – пробормотал Сулус себе под нос и вздохнул: – Надеюсь, Маран уже узнал про существование срока давности и догадался, что за совершённые тысячу лет назад преступления, даже если те вскроются, никто не станет его судить. Где он сейчас?

– В библиотеке. Ему нравится читать там. Говорит, такое обилие книг завораживает и успокаивает. Но это я уже и сам понял, в его времена книг было куда меньше и стоили они дорого.

– Скорее всего. Спасибо, не буду тебя больше отвлекать. Поприветствую… предка.

– Хорошего дня, мой принц, – вскочил Фанис и вернулся к делам только тогда, когда тот вышел.

Глава 4. Вываривание, возгонка, дистилляция

Так, так, он будет жить, убийство уж не в моде.
Убийц на площадях казнят.
Так!.. В образованном я родился народе?
Язык и золото… вот наш кинжал и яд!
М. Ю. Лермонтов, «Маскарад»

Отношения Илаатана и Транта никогда не отличались особенной теплотой, но, как ни странно, и исключительной ненависти в них не было. Прохладное противостояние с извечной борьбой за горные долины и рудники, лёгкое снисходительное презрение к чуждым нравам – оба народа считали соседей с их обычаями дикарями.

Активность Грундабрада с его особенно агрессивной в последние годы риторикой толкнула соседей в объятья друг друга. Прежде, во времена разобщённости гномьих кланов, с севером оба человеческих государства грызлись самостоятельно и столь же вяло, как друг с другом, а вот объединение бородатых под одной твёрдой рукой и проснувшиеся имперские амбиции заставили выбирать.

Конечно, не все охотно приняли решение правителей, хватало радикально настроенных групп в обеих странах. Но здесь и сейчас, на этом… мероприятии, призванном поспособствовать не только военному, но и культурному сближению, никаких радикалов и хоть сколько-нибудь неблагонадёжных лиц не было, и знакомство с одобренными женихами проходило исключительно мирно и дружественно.

Идана в первый момент удивилась количеству желающих: целых двадцать восемь человек, не считая принца и его друга. Но Кутум явно определился в своих симпатиях и почти не отходил от сияющей и довольной Эрмы, мягко пресекая попытки флирта с другими мужчинами. А она и не возражала, довольная такой игрой.

Выглядело сборище, по мнению Иды, довольно забавно, но в том имелась своя прелесть. Мужчины, щадя строгое воспитание потенциальных невест, не шокировали их вольным видом и обнажёнными торсами, что вполне допустил бы мягкий местный этикет на столь камерном приёме. Большинство предпочитало сдержанные однотонные одежды, компенсируя простоту и неброскость украшениями, которые илааты явно любили, некоторые же выбрали узорчатые ткани и казались излишне пёстрыми, хотя кое-кому из девушек и такое пришлось по душе.

А вот сами гостьи из Транта оделись очень по-разному, привычные наряды с привычными корсетами выбрала только половина. Принцесса смело предпочла богатый илаатский костюм, и даже его закрытый вариант, аналогичный мужскому, выглядел вольно, ново и почти провокационно. Её поддержала фройляйн Лондрин, которая, несмотря на всю свою смелость и скандальную славу, однако, не рискнула пойти дальше и решиться на чоли – некое подобие узкой, короткой и декольтированной рубашки, обнажавшей живот, какие илаатки обычно надевали на подобные мероприятия. И совершенно неожиданно в таком же наряде пришла Одила Трольд, которая выделялась среди присутствующих, словно ворона среди ярких тропических птиц: она выбрала тёмно-синие одежды и из украшений ограничилась только тремя нитками мелкого жемчуга.

Сама Ида решила привыкать к новой действительности постепенно, поэтому пошла на компромисс и выбрала ту одежду, которую любила носить дома, но редко позволяла себе надевать в люди: белую шёлковую блузу, атласную светло-коричневую с золотой искрой юбку и плотный корсаж. Глядя на неё, Грета отыскала в вещах нечто похожее, и смотрелись они обе, может, недостаточно эффектно для званого ужина, но, по обоюдному согласию, очень хорошо.

Принц же говорил о неформальности этого мероприятия, почти дружеской встрече, и этикет не требовал вечернего наряда. Даже привычный этикет, трантский, на который оставалось ориентироваться за неимением иного.

Принцесса Мариика, во всяком случае, подобного вопроса не затрагивала. Те три часа, которые трантки провели в её гостиной, прошли как обычные девичьи посиделки за чаем, в каких Идана нередко принимала участие до своего «падения». Светская болтовня и салонные игры, позволявшие развлечься и познакомиться.

Несмотря на изначальное нежелание в этом участвовать, Ида провела время с удовольствием. Она уже и забыла, что может быть так легко в обществе малознакомых людей. Поначалу Идана поглядывала на окружающих насторожённо, ожидая подвоха, да и остальные чувствовали себя скованно, но постепенно все ожили. Почти все, не считая чудачки Одилы Трольд, которая и здесь держалась особняком

Идана находила это непривычным, странным и приятным – не чувствовать на себе снисходительно-недовольных взглядов и не слышать выразительных шепотков. Словно время вернулось вспять, или по волшебству все забыли о её «падении».

Даже принцесса держалась дружелюбно, без заносчивости, и уже одно это стоило уважения: при разности их положения, от Мариики можно было ожидать гораздо менее приятного обхождения, и не только Идане. Но её высочество явно не собиралась ворошить прошлое и допускать конфликты, так что день прошёл хорошо, а вечер обещал быть и того лучше.

И он быстро начал оправдывать надежды. Идана знала о собственной привлекательности, но дома всё удовольствие от мужского внимания неизменно смазывалось неприятным подтекстом и пониманием: её рассматривают как развлечение. Не исключено, что она сама себе придумывала проблему и даже в Транте далеко не все проявляли интерес с неблагородными целями, но там расслабиться не выходило. А здесь, в чужой стране с чужими людьми, сделать это оказалось очень просто, хватило всего одного бокала лёгкого вина с нежным цветочным запахом и мягким вкусом.

Молодые люди танцевали под музыку небольшого оркестра, знакомили друг друга со светскими развлечениями, разговаривали, смеялись. Языковой барьер, который пугал многих девушек, так и не возник: все потенциальные женихи в той или иной мере знали трантский. Кто-то говорил уверенно и бегло, кто-то – неправильно и с сильным акцентом, но этого вполне хватало, чтобы находить общий язык.

И очаровывать гостий, конечно. Экзотическая наружность местных мужчин привлекала, тем более все они были на удивление хороши собой – то ли сюда выбрали таких, то ли илааты в целом были красивым народом, Ида никогда о подобном не задумывалась.

Экзотически привлекательной оказалась не только внешность вероятных женихов. Рассмотреть личные качества и достоинства за такой короткий срок невозможно, но зачаровывало уже то, что илааты привыкли выражать эмоции более ярко и открыто. Они не вели себя развязно и оскорбительно, но держались с той свободой, которая кружила голову непривычным к подобному транткам. Казалось бы, сущая мелочь – возможность громко и от души рассмеяться, не оглядываясь на то, что это прозвучит слишком шумно. Наверное, в другом настроении всё это могло бы вызвать в тех же самых девушках неприязнь, но сейчас они охотно поддались влиянию окружения и получали удовольствие.

Танцы и разговоры в какой-то момент прервались. Одного из мужчин попросили спеть, у него оказался прекрасный, сильный, хорошо поставленный голос, от которого получили удовольствие даже те, кто не знал илаатского. Потом к нему неожиданно присоединилась одна из невест, которой не смог аккомпанировать оркестр – нужных нот не нашлось, зато вызвался другой илаат, любитель трантской музыки, который неплохо играл на незнакомом девушкам инструменте, напоминавшем небольшое пианино.

А после пары песен, когда возникла пауза, вдруг поднялась со своего места Мариика. Принцесса улыбалась очень радостно, с предвкушением, а Сулус, который встал мгновением позже, – иронично и немного насмешливо. Или сочувственно?..

– У меня появилась чудесная идея! Как девушки напомнили утром, во всех сказках с отбором невест или женихов обязательно есть разные конкурсы. Нам соревнование не нужно, но почему бы не устроить небольшую демонстрацию талантов? У всех есть какие-то любимые увлечения, и я уверена, что каждому найдётся чем удивить. А чтобы никому не было обидно, удивлять нас будут и женихи, и невесты. Пары дней на подготовку хватит, а если вдруг…

– Защитник! И что делать? – расстроенно пробормотала Грета, не слушая дальше принцессу. – У меня же нет никаких талантов!

– Не выдумывай, – легко отмахнулась Ида. – Ты великолепно готовишь, этого более чем достаточно! Договорись с госпожой Алтааной, она поможет решить всё с кухней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.